

ДАША ПОЧЕКУЕВА

ИСТОРИЯ
О
ЧЕЛОВЕКЕ
В
ФУТЛЯРЕ

КВАРТИРА

Даша Почекуева
Квартира
Серия «Молодая проза.
Новое поколение»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67961070
Даша Почекуева. Квартира: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173580-7

Аннотация

СССР, середина семидесятых годов. Фролов – невзрачный мужчина средних лет, презирающий себя и старательно приспособливающийся под обстоятельства и большинство.

Последние семнадцать лет он живет в общежитии с женой и сыном, стоит в очереди на квартиру...

Но принесет ли счастье герою та самая квартира?

Даша Почекуева

Квартира

© Почекуева Д., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Даша Почекуева – молодая российская писательница и дизайнер. Родилась в Омске, живет в Санкт-Петербурге., пишет с ранней юности.

«Квартира» – дебютный роман автора.

1

Была пятница, Фролов возвращался домой с работы. В ко-

ридоре общежития пахло кислыми щами, и Фролов по привычке задержал дыхание, проходя мимо кухни. За кухней начинался длинный коридор с потертым линолеумом. Фролов подошел к своей комнате и сунул ключ в замочную скважину. Раздался короткий двухчастный звук: щелк-щелк – и дверь открылась.

В этой комнате Фролов прожил почти полжизни. Сервант и ширма делили пространство на части: пяточок у двери имитировал прихожую, за ним стояла ширма, за ширмой стол, диван, телевизор. Над головой нависали антресоли. У окна за сервантом прятался уголок сына – там он спал и делал уроки. Обычно Фролов ходил по комнате, как по узкому лабиринту – то бочком, то в полуприседе, боясь задеть локтем старые санки, висящие на гвозде.

Фролов остановился у двери и поставил портфель на пол. Он хотел сесть и разуться, но увидел под стулом чужие ботинки. Ботинки были очень хорошие, югославские. Фролов скользнул взглядом вверх. Со спинки стула свисал рукав голубой рубашки в узор из огурцов.

Из глубин комнаты раздался женский голос:

– Вань, ты, что ли?

Раздался шорох, скрип дивана и неразборчивый шепот. Из-за ширмы выглянула жена Лена, замотанная в длинное покрывало.

– Ой, Вовка! Ты почему так рано?

За ее спиной снова скрипнул диван.

Фролов хотел напомнить, что в воскресенье День строителя – из-за него на заводе сокращенный день, – но слова были лишними. Диван скрипел нестерпимо громко; гость, кем бы он ни был, судорожно пытался производить поменьше звуков, и чем больше пытался, тем больше шумел. Жена покраснела и сдула со лба прядь волос.

Вдруг Фролов все понял. Ему стало легко. По лицу Лены он сообразил, чего она ждет: он должен скандалить, грязно и громко, чтобы сбежались соседи, любовник кубарем покатился по лестнице, а вслед ему полетели югославские ботинки и рубашка с узором. Еще было бы хорошо, если бы Фролов зарыдал, побил посуду в серванте, а потом до ночи сидел бы на кухне, качаясь на табуретке, и пил водку за три шестьдесят две.

Вместо этого он развернулся к двери. Лена тихо сказала: – Вов... ты послушай...

Но Фролов уже не хотел слушать. Он вышел из комнаты, миновал длинный коридор и лестницу, потом вынырнул на улицу и остановился у стены перед палисадником.

Стоял жаркий звенящий август. В воздухе пахло поздним летом, скошенной травой и цветущей мальвой. За зарослями пышных розовых цветов виднелись желтые «Жигули», припаркованные у забора. Мимо прошел дворник с метлой. У него было широкое доброе лицо с раскосыми глазами; на затылке красовалась грязная тюбетейка. Сдвинув тюбетейку и почесав затылок, он сказал Фролову: «Здрасьте».

– Здрасьте, – согласился Фролов.

Немного погодя на улицу вылетел взмыленный мужик в рубахе с узорами. Он пронесся мимо Фролова и дворника, не замечая их, и бросился к «Жигулям». У Фролова было секунды три на то, чтобы разглядеть детали: стриженный затылок, бледную шею, длинные ноги-ходули.

Фролов провожал взглядом любовника жены, и какое-то новое чувство накатывало на него волнами. Брак сдулся, как выпущенный из рук воздушный шарик, и полетел вверх и вниз, с каждой секундой съеживаясь и истончаясь.

* * *

А начиналось все неплохо.

Фролов встретил Лену семнадцать лет назад в гостях у Шурика Егорова. Лена сидела на диване в углу, скрестив длинные ноги в капроновых чулках.

– Знакомься, – сказал Шурик. – Это Лена, мы вместе учимся.

Фролов и так знал, кто она такая. Шурик бредил ею уже недели три. На Лене свет сошелся клином; все дороги вели к ней, мысли сворачивали к ней, разговоры – к ней. Фролов еще не был знаком с Леной, а она уже порядочно ему осточертела.

Влюбившись без памяти, Шурик позвал Лену на день рождения в надежде, что абхазское вино и родительская

квартира сделают свое дело, но затея была обречена. Лена никого здесь не знала, тяготилась чужой компанией и весь вечер норовила уйти. Шурик умолял ее задержаться еще чуть-чуть.

Гости смутно догадывались, что Лене плевать и на Шурика, и на его квартиру, но тактично помалкивали, чтобы не обижать именинника. Кто-то шепнул Фролову на ухо: Ленка ему не пара, слишком красивая. Она и правда была красивая, из породы женщин, которых побаиваешься: величавая, с покатыми плечами и прямой спиной. Ее немного портило лишь обилие косметики: в тот вечер она зачем-то жирно обвела губы и еще жирнее – брови. Темные волосы она закрутила в пышные кудри по последней моде. Над верхней губой темнели еле заметные усики – лет через пять Лена начала стесняться их и выщипывать, а тогда считалось, что это добавляет темперамента. Создавалось обманчивое впечатление, что характер у Лены не дай боже.

Шурик обхаживал ее как мог: подливал вина, подкладывал в тарелку салат и иногда якобы случайно задевал локтем. Лена оставалась безучастной. К концу вечера Шурик напился, обнаглел и зажал Лену около вешалки в коридоре. Она вывернулась, схватила сумку и выскочила на лестничную клетку.

Фролов как раз вышел покурить. Лена стояла у окна, размазывая по щекам слезы. Чулки порвались, прочертив длинную полосу над щиколоткой. Фролов в нерешительности

остановился, теребя сигарету в пальцах.

– Все хорошо? – спросил он после паузы. Вопросы он задавал глупые, а выглядел и того глупее. Лена бросила на него короткий взгляд через плечо.

– Да, я... Я просто забыла пальто.

Голос у нее был бархатный, очень красивый – с таким голосом петь бы в русском хоре. Фролов, как положено джентльмену, сходил за пальто. Пока его не было, Лена успела успокоиться, вытерла щеки и теперь глядела исподлобья. Фролов чувствовал себя обязанным чем-то ей помочь, но не знал чем.

– Ты прости за Шурика. Он, как выпьет, становится дурной.

Она промолчала. Он посмотрел на ее рваные чулки.

– Живешь далеко?

Лена насторожилась.

– А что?

– Поздно уже, троллейбус не ходит. Придется пешком идти.

– Я... я у автовокзала.

Он прикинул: ехать минут двадцать, пешком больше часа.

– Можешь остаться у меня в общежитии. Постелю на тахте, сам лягу на пол. Только пододеяльника нет.

Она продолжала глядеть на него со смесью недоумения и опаски. Тогда он еще не знал, что Ленка не из пугливых, просто Шурик выбил ее из колеи. Лена приняла любезность

Фролова за грубые ухаживания, хотя он просто хотел ее выручить.

Раздумывая, она раздавила окурок о край жестяной банки.

– А ты когда пойдешь?

– Не знаю, – сказал Фролов. – Можно хоть сейчас.

– Общага где-то рядом?

– Да, через два дома.

Фролов сделал все, как обещал: привел Лену в общагу, постелил на тахте, сам лег на пол. Много лет спустя она рассказывала, что в ту ночь приготовилась отбиваться, но Фролов сразу уснул, и ночь прошла спокойно.

Утром Фролов угостил Лену бутербродами и налил чаю. Перед завтраком она смыла боевой раскрас. Теперь на Фролова смотрели большие, круглые и беззащитные глаза, полные смутного беспокойства – будто Лена уже тогда догадывалась, что с ним что-то не так, и желала знать, что именно. Несколько дней спустя, убедившись, что Фролов безопасен во всех отношениях, Лена пригласила его в кино. Он бы отказался, но показывали отличный трофейный фильм.

Так между ними завязался странный, отстраненно-холодноватый роман. Обиженный Шурик сначала скандалил, потом смирился и стал расспрашивать Фролова о свиданиях. Фролову нечего было рассказать: ну да, были в кино, затем гуляли по парку. Катались на велосипедах. Она рассказывала об институтской программе. Разок поцеловались.

Ну, такое. Нормально.

– Нормально? – возмутился Шурик. Его потрясло, что Фролову даром достается то, что сам он выбивал с боем.

Конечно, этому стоило порадоваться. Но Фролова вообще мало что радовало. Его отношение к женщинам было осторожно-избегающим; периодически он с кем-то сходил-ся, но всегда держал дистанцию. Не умел ни соблазнять, ни отказывать. Фролов избегал всего, что могло поставить его в неудобное положение, и после нескольких скоротечных и малоинтересных историй свыкся с чувством несовпадения. Выбирать партнершу сердцем не получалось, поэтому он выбирал умом. Из всех девушек, что ему встречались, Ленка была самой-самой. Умная и красивая, не скандальная, не легкомысленная – что еще надо. К тому же она сама проявляла инициативу – видимо, после Шурика Фролов приятно удивил ее тем, что не пытался сразу затащить в койку. Фролов смотрел на Лену и думал: что ж, если уж с ней не получится, то с кем тогда? С кем-то же надо.

В тот год жизнь еще не вошла в колею. Фролов только-только приехал из Ленинграда по распределению. Вокруг простиралась серая хмарь – это был город трестов и комбинатов, строительных кранов, ремонтных цехов, и небо над ним всегда блекло-бурое. На заводе Фролов познакомился с Шуриком, обзавелся еще парой приятелей и подал заявку на общежитие. Ему дали большую комнату – семнадцать с половиной метров, угловую, с двумя окнами. По меркам тех

лет, все складывалось неплохо. Фролов решил, что года три поработает по распределению, как полагается, а потом сообщит, что делать дальше. Время есть.

В первый год он много кутил: что ни день, то пьянки с Егоровым, ночные распевы под гитару, кино, вино и танцы по пятницам в местном доме молодежи. Увеселения быстро ему наскучили. На второй год Фролов пошел от обратного и с головой окунулся в работу, но и пламенный труд тоже не увлек. Он не то чтобы не любил работу, скорее не видел в ней ничего заманчивого: какие-то документы, бумажки, заводские отчеты. Поступило пять тонн стали, израсходовано четыре с половиной тонны – что тут может вдохновлять.

Шурик понимал ситуацию иначе.

– А знаешь, Вовка, я тебе завидую. Работа непыльная, не вагоны разгружать. Разобрался с бумажками и в пять уже свободен. Можешь болтаться, где хочешь, девчонок клеить. И главное, все не навсегда. Отработаешь свои три года, а потом рванешь домой, в Ленинград, и поминай как звали. Вот это житуха!

Ленинградское прошлое Фролова вызывало у всех вокруг деятельное уважение. Лене тоже очень нравилось, что Фролов нездешний, и не просто приезжий парень из области, а кавалер из культурной столицы. От всех прочих ее поклонников Фролов отличался усталостью от жизни. Эта черта мало вязалась с обликом молодого человека двадцати трех лет, она добавляла ему мнимой опытности, привлекательной в

глазах сверстников. Лена принимала безразличие Фролова к местным порядкам за столичную пресыщенность, холодность – за воспитанность, тоску по прошлому – за поэтичность.

Годы спустя, когда у них уже родился Ванька и деться друг от друга было некуда, Фролов наконец осознал, что очень плохо знает Лену. Да и Лена знает его не лучше. Она достраивала Фролова в своем воображении, добавляя ему несуществующие черты характера, вкусы и стремления. Иногда он замечал, как она мимоходом роняет свои странные выводы таким тоном, будто на свете нет ничего очевиднее. «Ты же любишь баклажаны», «Ты, кстати, хотел поехать к ребятам на дачу», «Когда договоришься о повышении, мы купим новый диван».

Ленка брала информацию о нем неизвестно откуда – не спрашивая, а додумывая. Поначалу Фролов сопротивлялся, но пыла хватило ненадолго. Его стало раздражать, что Ленка вечно сочиняет ерунду и принимает его за черт-те кого; ее, в свою очередь, раздражало, что подлинный Фролов сильно отличается от додуманного. Она не говорила этого вслух, но инстинктивно он понимал, что Лена предпочла бы жить с человеком куда более открытым. Он почти ничем с нею не делился, редко и мало говорил о себе, увиливал от прямых вопросов о прошлой жизни, особенно о женщинах. Поначалу Лена предполагала, что он скрывает от нее разбитое сердце – скажем, несчастную любовь к какой-нибудь ленинград-

ской актрисе. Потом догадалась, что разбитого сердца не было: Фролов не любил ни Лену, ни тех, что были до нее. Это оказалось еще хуже.

Сын появился у них случайно. Ленка забеременела через два месяца после встречи с Фроловым. В первую неделю задержки она напряженно помалкивала, а затем заявила, что знает какую-то бабу. Фролова это возмутило, и они долго спорили. В те годы ему казалось, что ребенок не дается просто так. Родительство – это что-то вроде испытания, которое нужно пройти, чтобы стать лучше. Он был готов к испытанию; не признаваясь в этом даже себе, он ждал такого испытания много лет и страстно хотел доказать всему миру, что достоин семьи, достоин нормальной жизни, и вообще – во всех отношениях он ничем не хуже других.

Он твердил: давай оставим ребенка. Лена хмыкала, всем своим видом выражая сомнение. В этом звуке он слышал упрек, который она не смела произнести вслух: мол, ты, дружок, сегодня здесь, а завтра там, а мне воспитывать.

Фролову стало обидно, что его связь с еще не рожденным сыном низвели до такой незначительной малости. Он еще не успел проявить себя, а уже был объявлен никудышным отцом.

– Мы ведь могли бы пожениться, – ляпнул Фролов, не задумавшись. Хотел вернуть себе власть над обстоятельствами.

Ленка взгляделась в его лицо еще пристальнее, округлила

глаза и засмеялась. И так звонко, так весело смеялась, будто нарочно хотела растоптать в нем самое ценное.

– Лена, я не шучу. Выходи за меня. У меня есть комната в общежитии, сможем в углу кроватку поставить. Да, не хоромы, но ребенку много не надо. У завода детский садик хороший.

Когда схлынула первая злость, Фролов и сам поверил в живописную картину будущего, которую описывал Лене. Ему привиделась детская кроватка у окна, игрушки на паркетном полу, прогулки с коляской по парку, песочница, смешные грабельки, цветные рейтузы в складочку, а потом – дача, кошка, большая добрая собака, лампа с бахромой, скатерть в клеточку и сладкий запах яблок. Идиллическое детство, которого не было ни у него, ни у Ленки; оба втайне о нем мечтали и порывались создать.

Ленка сначала не верила, потом отнекивалась из упрямства, потом взяла паузу и посоветовалась с матерью. Мать сказала: соглашайся, дура, второго шанса может и не быть. И Лена согласилась.

* * *

Расписались в марте. Пришли Шурик Егоров, пара общих приятелей, Ленкина подруга Ляля и родители.

Мама Лены – Тамара Лаврентьевна – оказалась величественной, говорливой и всем недовольной дамой, чья кра-

сота уже клонилась к закату, но все еще поражала воображение. Рядом с ней муж, и без того невзрачный, выглядел неприметным, как камень. Его звали Михаил Иванович, он все время улыбался, и всякий раз очень застенчиво, будто не вполне уверенный в своем праве на улыбку. Фролов мысленно называл тещу царицей Тамарой, а тестя – ее вассалом.

Глядя на Фролова, царица Тамара всякий раз чуть поджимала губы, выдавая досаду. Зять ничем не мог ее поразить. Небогатый парень с завода, сделавший предложение из-за беременности, не бог весть какой обаятельный, широкоплечий, но не то чтобы статный и уж точно не одаренный академическими талантами. Даже не очень остроумный. Даром что ленинградец – и спасибо, что не деревенщина, – а в остальном глазу не на чем отдохнуть.

Глядя на Ленину мать, Фролов кое-что понял и о самой Лене. Вот откуда ее незащитность, стремление соответствовать ожиданиям и страх быть отвергнутой. Лену разрывало между противоречивыми желаниями – она хотела одновременно и угодить матери, и в то же время размежеваться с нею, четко обозначив свою инаковость. Может, именно это общее чувство и сблизило Фролова с Леной. Как куклы из одного набора, они были сломаны похожим образом. После свадьбы у них даже случился период душевного подъема, который с натяжкой можно было назвать влюбленностью. Вдохновленные собой, друг другом и открывшейся картиной будущей жизни, они в первый и последний раз съездили вме-

сте в Ленинград.

Ленинград, город-мираж. Столица империи, канувшей в Лету. Прошлое, которое не вернуть, на которое больно смотреть, а не смотреть невозможно. С поезда Фролов сразу повез жену в мамину квартиру. Дом был хороший, трехэтажный, упрятанный во дворе другого дома на пересечении Гагаринской и Чайковского. Мать открыла дверь, увидела Ленку с округлившимся животом и застыла от изумления.

– Мама, это Лена. Лена, это мама.

Дальше – хлопоты, чай и матрас, расстеленный в коридоре. Бестолковое знакомство было омрачено недоумением, которое мать тщательно и безуспешно пыталась скрыть. Фролов ничего не говорил ей о Ленке, женитьбе и будущем внуке. Изредка звонил и спрашивал какую-то ерунду, а о главном даже ни словом не обмолвился.

Ленка тоже поняла, что ее никто не ждал, и быстро нашла причину. Брюхатая жена-провинциалка, ну конечно. Неудивительно, что Фролов постыдился говорить о ней матери.

Фролов не мог объяснить, что дело не в стыде. Наоборот – он не только не стыдился Лены, но и собирался ею похвастаться. Беда была в том, что мать не оценила красивого жеста; пытаясь ее впечатлить, Фролов вечно промахивался в деталях.

Той же ночью Фролов столкнулся с матерью на кухне. Лена уже спала на диване в большой комнате, через стенку было слышно, как она посапывает, уткнувшись носом в подуш-

ку. Включив лампу на подоконнике, мать заваривала чай.

– Кипятка плеснуть?.. Нет, стой, не уходи. Сядь и посиди с матерью.

Со вздохом он сел за стол. Мать поставила перед ним чашку и тоже села. В свете лампы он заметил, что она седеет, полголовы будто пудрой присыпало.

– А ты что, взял моду сутулиться? Похож на какое-то чучело.

Он послушно выпрямил спину.

– Вот, так-то лучше. А теперь поговорим насчет этой девушки. Знаю, ты стараешься исправиться. И это, конечно, не так плохо, но я в упор не понимаю, чего ты пытаешься добиться детскими выходками. Ладно, хорошо, решил жениться – пусть, это тебе полезно... Но ребенок? Так скоро? Неужели ты не понимаешь, что можешь испортить девушке жизнь? Или чужая жизнь для тебя уже ничего не значит?

Внутренности Фролова сковало холодом. Он чувствовал, как холод змеится в кишках и желудке. Это был застарелый страх перед матерью, преследующий всех детей, не оправдавших ожиданий.

– Мам, – сказал он нетвердым голосом. – Я тебя прошу...

– Вова, рассуди сам. Эта девушка ведь хочет семью и ребенка. Она не знает, какой ты на самом деле, она не знает, что ты только стоишь на пути исправления, и впереди еще очень много работы.

– Мам, – тихо сказал Фролов, – эта девушка – моя жена.

И я... знаешь, я же ничем не хуже других.

– Да неужели, – сказала мать, не скрывая сарказма. – Кому угодно можешь рассказывать, а вот мне не надо. Вспомни хотя бы про дядю Яшу.

У Фролова сдавило горло.

– Прости, я... я очень устал и хочу спать, – он встал из-за стола.

– Сядь и послушай, что я скажу. Являешься сюда раз в пять лет и еще смеешь меня игнорировать?

– И вовсе не пять...

– Ты чего там мямлишь? Говорить нормально не можешь?.. Сядь, я сказала.

Дрожа, Фролов вынырнул из кухни в коридор и лег на свой матрас. В темноте было слышно, как мать сердито гремит чашками. Потом всю неделю она пыталась вызвать его на разговор. Избегая ее, Фролов с утра уходил из дома и возвращался лишь к ночи. Он водил Ленку по Невскому и Литейному, показывал вестибюли метро, Эрмитаж и Петропавловскую крепость. Город испугал Ленку имперским размахом. Она бы впечатлилась красотой Ленинграда, если б красота была строго дозирована: одна-две купеческие улицы, а вокруг – обычный советский пейзаж. Увы, Ленинград был несдержанно велик. Каждая улица в центре кричала, что она принадлежит прекрасному, давно ушедшему миру, к которому ни Ленка, ни ее семья не имели никакого отношения.

Из вежливости Лена улыбалась, но было видно, что благо-

склонность напускная. С таким выражением лица люди выдают дежурные комплименты – без энтузиазма, но не желая обижать.

Когда пришло время возвращаться домой, Лена с облегчением залезла в плацкартный вагон, достала книжку из сумки и погрузилась в чтение. Фролов сидел у столика и смотрел, как Ленинград проплывает мимо – казалось, не он уезжает из города, а город отдаляется от него.

– Слушай, Лен... – Он подумал и внезапно сказал: – А давай переедем сюда.

Лена, отложив книгу, взглянула на него с сомнением.

– Переедем? Зачем?

– Ну как? В Ленинграде больше возможностей. Для нас, для ребенка. Да, поначалу будет нелегко, однако потом, через пару лет...

– Вов, мне рожать скоро.

– Я помню.

– А у тебя распределение.

– Тоже помню.

– И как ты вообще себе это представляешь? Думаешь, это легко?.. Может, нам вообще не дадут разрешения. Да и твоя мать вряд ли будет в восторге, если мы у нее поселимся.

– У нее? Нет-нет, не у нее! Слушай, я имел в виду, найдем работу, добьемся общежития, а там, может, и квартиру дадут.

– И чем это отличается от нынешней жизни?

– Ну... Если так рассуждать, то конечно... Но ты все-таки не воспринимай в штыки. Конечно, необязательно переезжать сейчас. Подождем, когда ребенок родится, там видно будет. Просто держи в голове эту возможность.

– Да нет никакой возможности. К тому же с малышом я тем более никуда не поеду.

В запасе у Лены был десяток аргументов, почему уезжать не стоит – или, по крайней мере, не сейчас. Сначала она говорила: куда таскаться с младенцем, пусть Ванька хотя бы пойдет в ясли. Затем придумала доводы посложнее: здесь точно есть работа, а там ее надо искать. Прописку могут и не разрешить. Работа может и не найтись. А еще здесь друзья, здесь мама с отцом. Фролов чуть не брякнул в ответ: чего ты держишься за эту маму, она еще хуже моей.

Он догадывался, что был еще один аргумент, главный, но его Ленка никогда не озвучивала: Ленинград большой, там она никто, всю жизнь надо выстраивать заново. Фролову приятно быть никем – так он не привлекал к себе лишнего внимания. Но Лена всегда хотела стать кем-то.

Фролов уже тогда замечал, что они ни в чем не совпадают – ни в стремлениях, ни в мечтах, ни в представлении о том, что такое счастье. Но был один общий жизненный план – квартира. Через пару лет после рождения Ваньки Фролову пообещали по профсоюзной линии двушку в новом доме от комбината.

Очередь двигалась медленно – заводу вечно не хватало

материалов. Несмотря на вечные скандалы в профкоме, дома сдавали с большой задержкой. Положение Фролова в очереди было шатким: поначалу он находился в первой тысяче счастливицков, но потом что-то изменили в системе подсчета, и Фролов съехал на две тысячи двести семьдесят девятое место. Вперед стали выдвигать ветеранов войны и ярых общественников. Потом дошла очередь до многодетных семей, затем – до семей с двумя детьми. Если бы у Фроловых был не только Ванька, но еще и дочка, дело пошло бы быстрее. Фролов даже уговаривал жену завести второго ребенка, но она не соглашалась. Был еще один вариант – съехаться с родителями жены или хотя бы просто прописать Тамару Лаврентьевну в общежитии. Но тут уже сам Фролов был против.

Лет восемь назад каким-то непостижимым образом Фролов скакнул на тысяча восемьсот десятое место, но затем вляпался в нехорошую историю, перепутав документы при сверке. Ему сделали выговор за халатность на партсобрании – благо, без занесения в трудовую книжку, – а затем он снова переместился назад, в пятую тысячу несчастных.

Впрочем, номер в очереди ничего не обещал. Жилищные условия Фролова были не так уж плохи, и при каждой смене обстоятельств его легко сдвигали. Фроловы жили не в бараке, а в просторной комнате. Полагалось иметь не меньше шести квадратных метров на человека, а у них было пять целых восемьдесят три сотых. В более невыгодном положении были только бездетные холостяки. Однажды Фролов по доброй

воле уступил очередь Свете Никифоровой из отдела кадров – она уже три года жила на тех же семнадцати метрах, но у нее были муж, двое детей, да еще свекор. И, кстати, свекор парализованный. Рядом с такими случаями претензии Фролова на квартиру звучали смехотворно, и он даже сам торопился от них отказаться, лишь бы кто-нибудь не подумал о нем дурного.

Был еще вариант – бросить все и уехать куда-нибудь в закрытый город, где срочно нужны специалисты, а стало быть, и квартиру можно получить быстро. Но идею отъезда куда бы то ни было Лена по-прежнему не разделяла. В душе Фролова теплилась надежда, что все еще сбудется. Он ловил намеки и слухи в курилках, и чутье подсказывало, что однажды он дождетя. Пусть не сейчас, пусть через пять лет, но квартира будет. Эта мысль скрепляла брак и давала им с Леной надежду на общее будущее.

Мечта о возвращении в Ленинград постепенно выветривалась, как выветриваются духи в старом флаконе. С каждым годом она казалась все более фантастичной. Фролова повысили до старшего сверщика. Ленка нашла работу в трамвайном депо. Ванька пошел в детский сад. Комната, в которой они жили, год от года заполнялась новыми вещами: санками, зеркалами, тумбочками. На смену детской кроватке пришла длинная тахта. Рядом с ней появился стол, где Ванька мог заниматься. Сервант забился книгами, посудой, сувенирами, постельным бельем. С каждым годом нажитое добро стано-

вилось все более неподъемным грузом. Забрать его с собой было бы трудно, а бросить еще труднее.

Иногда Фролов звонил сестре и спрашивал, как дела в Ленинграде. Катька в ответ сообщала, что здоровье матери становится все хуже. Мать страдала тяжелой формой сахарного диабета. Фролов искал в себе сочувствие к ней, но не находил. Ему вообще не хотелось общаться с матерью; всякий раз, когда Катя предлагала передать ей трубку, Фролов находил повод завершить разговор.

Однажды он нашел в ящике письмо – аккуратный конверт с ровно приклеенной маркой и ленинградским штемпелем. В конверте лежало два листа, исписанных мелким убористым почерком. Фролов пробежался взглядом по строчкам: мать просила привезти внука на каникулы в Ленинград, упрекала Фролова в черствости и неблагодарности и сетовала, что жить осталось всего ничего. Письмо завершилось фразой: «Я знаю, у нас были разногласия, но все же надеюсь, что в тебе еще осталась толика порядочности».

Порядочность. Фролова задело это слово. Мать была помешана на благопристойности. В ее представлении вся жизнь должна быть расставлена по полочкам, расчерчена, согласована с обществом, ни шагу вправо-влево.

Положа руку на сердце, именно так Фролов и жил: старательно соблюдая приличия, боясь осуждения и лишних домыслов. Но мать считала, что этого мало. Уже много лет он не давал повода подозревать себя в грехах, однако мать при-

дирчиво присматривалась к нему, высказывала сомнение. Даже этим письмом, которое вообще-то относилось к Ваньке, мать намекала, что, уехав из родительского дома, Фролов растерял сакральное знание о приличиях.

Вот что она пыталась ему вдолбить: сам по себе, без матери и ее бдительного ока, Фролов мало что собой представляет, норовит сразу согрешить и испортиться, но она спасет его. Укажет на несовершенство. Напомнит про грех и, если понадобится, осудит за него – разумеется, ради общего блага. В знак доброй воли, признавая пользу такого воспитания и выражая благодарность, Фролов должен доверить ей воспитание внука. Это было последнее, что Фролов собирался сделать.

Положа руку на сердце, никакого особого воспитания Ваньке и не требовалось: он рос сам по себе, как подсолнух в поле, – счастливый ребенок, не знающий страха, не обожженный виной, не желающий зла ни себе, ни другим. Фролов так отчаянно боялся его испортить, что перегибал палку с контролем: он присматривался к каждому шагу сына, каждому слову и жесту, выискивая худшие черты, которые Ванька мог унаследовать. Как-то раз он пришел забирать Ваню из садика. Натягивая колготки, сын мечтательно произнес:

– А вы с мамой правда устроите праздник?

Это была Ленкина идея – отметить Ванькин пятый день рождения, позвав в общагу малышню из детсада.

– Правда.

Ваня улыбнулся, надел уличные штаны поверх колготок и уточнил:

– И будет торт?

– Будет.

– И Никиту позовем?

Фролов наклонился к сыну, чтобы помочь завязать шнурки на ботинках, и осторожно ответил:

– И Никиту, и Валеру, и Витю тоже.

– А Наташку?

– Какую Наташку?

– Наташку из нашей группы, – сбивчиво объяснил Ваня и порозовел.

У Фролова в груди что-то екнуло. Он завязал сыну шнурки и принялся подпоясывать на нем серый кроличий полушубок.

– Эта Наташка тебе нравится?

– Ну... да... Знаешь, у нее волосы красивые, очень длинные. И она дает мне конфеты, – задумавшись, Ваня предположил: – Наверное, она меня тоже любит, а то бы не давала.

– Само собой, – согласился Фролов и взял сына за руку.

Ванька приосанился. Всю дорогу он напевал что-то себе под нос, обрадованный и обнадеженный: Наташка обязательно придет. У Фролова жгло глаза. Он так и не понял, что это – счастье или печаль. Казалось удивительным, что мальчик не знает, какое проклятье над ним нависало, какая мука, какая кара за неведомые грехи; все это только что лопнуло, как

мыльный пузырь, и радость даже отметить было не с кем.

Фролов сказал себе: видишь, не все так плохо. Пусть ты с гнильцой, но хотя бы сын у тебя нормальный. У мальчика будет счастливая семья, хорошая работа. Он вырастет лучшим человеком, чем ты. Станет сосудом для всего, к чему ты не подходишь. Теперь главное – оградить Ваню от того, что могло бы сбить с пути.

В итоге Фролов выбросил письмо матери, не рассказав о нем ни сыну, ни жене.

Мать умерла через полгода. Уведомление от сестры пришло по почте уже после похорон. Узнав о смерти матери, Фролов не испытал ни горя, ни радости. Горевать было не по чему: материнская любовь, и без того хрупкая и переменчивая, была потеряна давным-давно. Смерть ничего не прибавляла и не убавляла.

Через три месяца, когда Шурик в очередной раз завел речь о Ленинграде, Фролов неосторожно обмолвился, что мать умерла. Шурик немедленно заявил, что нужно нагрянуть в Ленинград и заявить права на квартиру. Разве это дело: Фролов с женой и сыном ютятся в комнате у черта на рогах, в то время как его родная сестра в одиночку распоряжается отличной двухкомнатной квартирой в центре Ленинграда.

Узнав об идеях Шурика, Лена сурово сообщила, что это подлость и низость. Думать надо было раньше. Стоило прописаться в ленинградской квартире еще при жизни матери,

заручившись ее согласием, а нынешние нападки на сестру – немислимое свинство.

– И в конце-то концов, нам скоро дадут свое жилье. Нам не нужно отбирать чужое. Егорову так и передай.

У Фролова не было твердого мнения насчет этой квартиры. С одной стороны, когда-то он мечтал вернуться в Ленинград, и квартира, безусловно, была бы нелишней. С другой стороны, ему претила мысль воевать с сестрой. Катька бы сказала: братец, а где ж ты был все эти годы? Почему не общался с матерью, почему не приезжал?

Особенно страшила мысль, что сестра может ткнуть его носом в старые грешки. Не дай бог, расскажет что-нибудь Лене. Вечно боясь разоблачения, Фролов избегал любых намеков на прошлое. Никому не рассказывал ни о детстве, ни о юности. Сам старался не вспоминать и другим не давал. Он не ударил, чтобы не давать сестре повода ударить в ответ.

Через год после смерти матери позвонив по привычному номеру, Фролов услышал незнакомый голос. В доме на Чайковского теперь жили чужие люди: Катя вышла замуж, обменяла квартиру с доплатой и переехала с мужем в Кустанай. С тех пор он ничего о ней не слышал.

Шурик, узнав об этом, окончательно утвердился во мнении, что Фролов дурачок и ему явно чего-то не хватает: то ли ума, то ли твердости характера, то ли деловой хватки. Сестра исчезла, забрав все, что ей причиталось, а Фролов остался в дураках – с женой-гордячкой, без жилья и без особенных

надежд.

Сказать по правде, мнение Шурика было недалеко от истины: Фролову перевалило далеко за тридцать, а он все еще ждал своей очереди. Будь он порасторопнее, жизнь могла бы сложиться иначе. Разумеется, сам Шурик добился большего – он женился на Ляле, Ленкиной подруге из обеспеченной семьи, обзавелся хорошей кооперативной двушкой в новом районе и добился неплохой должности в профкоме.

Фролов утешал себя одной мыслью: не все же мерить деньгами. Есть еще моральная, семейная сторона вопроса. Тут упрекнуть Фролова было не в чем: он, в отличие от Шурика, не изменял жене, не выпивал, исправно приносил домой зарплату. Лена не мотала ему нервы и не требовала лишнего. У них был общий ребенок, и ребенок чудесный. Фролов сосредоточил мысли и надежды на сыне.

Закрыв глаза на некоторые нестыковки, Фроловых можно было назвать обычной семьей. Не хуже и не лучше других. Фролов годами мысленно повторял эту мантру, отводя Ваньку в школу и забирая из продленки, сидя на родительском собрании, отворачиваясь к стене и притворяясь спящим, когда Ленка ложилась на кровать рядом. Он повторял себе это на семейных застольях: *у нас не все так плохо*; повторял всякий раз, когда сердце сжималось от необъяснимого холода, а оно сжималось часто.

Со временем Фролов сумел убедить себя, что его жизнь сложилась не худшим образом, однако червячок сомнения

никуда не делся. Его грызла мысль о собственной несостоятельности. Годы шли, сын вырослел, квартира все не появлялась. Фролову исполнилось сорок лет. Он играл роль обывателя средних лет в предлагаемых обстоятельствах – в основном перед сыном, но заодно и перед общими друзьями, перед Ленкиными подругами, перед Тамарой Лаврентьевной и ее мужем. Если когда-то он и был другим человеком, то давно об этом забыл.

2

Держась за поручень и мерно покачиваясь в вагоне трамвая, Фролов смотрел в окно. Он старательно не думал о жене и ее любовнике и вместо этого думал о сыне. Сегодня он должен был встретиться с репетитором по английскому для Ваньки. Репетитор жил в двух остановках от общежития.

На другой стороне дороги росли серебристые тополя. От ветра кроны шевелились; белая изнанка изумрудных листочков мельтешила перед глазами, будто кто-то с улицы махал Фролову белым платком.

– Улица Карла Либкнехта! – крикнул кондуктор.

Фролов протиснулся к выходу и выскочил из трамвая.

За остановкой виднелась вывеска «Гастроном». По дороге к дому репетитора Фролов закурил, задумчиво пожевывая сигарету. Он прошел мимо кустов боярышника, телефонной будки и цистерны с квасом и наконец увидел дом репетитора.

С обеих сторон его зажимали пятиэтажные «панельки».

Сам дом был очень старым и поэтому казался особенно величественным; его три этажа по высоте были равны соседним пятиэтажкам. С фасада осыпалась штукатурка, но каким-то чудом еще держалась лепнина. Подойдя к нужному подъезду, Фролов выбросил окурочек в ведро у лавочки и остановился, рассматривая старый фонарь, висящий над подъездной дверью.

– Товарищ! – раздался голос из-за спины. – Вы куда?

Фролов обернулся. На лавочке у подъезда сидели три сморщенные старухи. Одна из них, близоруко щурясь, грозно повторила:

– Вы к кому?

– В четвертую, к Юдину. Юдин здесь живет?

Одна из старух махнула рукой куда-то вверх: мол, иди по лестнице, не ошибешься. Фролов пошел; на лестничной клетке с высоченными потолками гудели лампы, пахло кипяченым бельем, чьи-то дети волокли ржавый велосипед.

Нужная дверь была покрыта слоем сохшейся краски. Из-под него выглядывал дореволюционный декор; на ручке краска отлетела, и открылся небольшой участок латуни. Фролов нашел взглядом дверные звонки и некоторое время постоял, изучая таблички с разномастными фамилиями. Нужная табличка висела с края. Звонок, прилагавшийся к ней, выглядел самым старым.

Дверь открыла дама преклонных лет – низенькая, круг-

ленькая и седая, с покатыми плечами, покрытыми шалью. Увидев Фролова, она приветливо улыбнулась.

– Вы к Сереже? Входите. У него сейчас ученик, но они скоро закончат.

Фролов зашел в длинный темный коридор коммунальной квартиры. Над дверью висели гроздь проводов, круглые черные счетчики торчали из стены, как бородавки. Под ногами крутилась серая полосатая кошка, она с удовольствием обтерлась о брюки Фролова.

– Налью вам кофе, – пообещала дама. – Разувайтесь, разувайтесь. Сейчас покажу, где можно помыть руки. Томка, а ну брысь!

За чашечкой кофе Фролов почистил брюки и узнал, что даму зовут Роза Эдмундовна. Она занимала вторую по коридору комнату в длинной изгибистой квартире. Квартира еще хранила следы былой роскоши из ушедшей эпохи, и в комнате Розы Эдмундовны все было чинно: подоконник сиял свежей побелкой, на потолке сохранилась опрятная лепнина. Вдоль стены стояли книжные шкафы и сервант со стеклянными полками; в серванте поблескивал хрусталь, фарфоровые собачки и цветное стекло – ему, наверное, было уже лет двадцать.

Фролов подмечал мелочи безотчетно. Он думал о своей квартире так давно и так часто, что мысли о ремонтах и квадратных метрах вошли в привычку. Он присматривался к чужим потолкам и дверным проемам, изучал стеллажи и ла-

кированные шкафы-стенки. Больше всего ему нравились румынские серванты – легкие, компактные, на тонких ножках – не то что тяжеловесные чехословацкие «гробы» от пола до потолка. Но достать румынский сервант было сложновато, да и Ленке не хватило бы места под постельное белье и посуду.

Он покрутил в руках чашку с кофейной жижей. Роза Эдмундовна пошла за блюдцем. Над столешницей мерно раскачивался круглый абажур. День был длинным, странным и вел неизвестно куда.

Вдруг раздался веселый и громкий голос:

– Мама Роза! А куда это вы пропали?

В дверном проеме появилась встрепанная кудрявая голова; вслед за головой в комнату просочился ее владелец – сияющий и несколько несуразный живчик в красной водолазке и синих штанах. Штаны были мешковатые и придавали человеку сходство с цирковым клоуном.

– О! Вы маму Розу не видели?

– Она на кухню ушла.

– А вы, наверное, ко мне, – предположил незнакомец и шагнул к Фролову. – От Ирины Михалны?

– Да.

– Мы вроде на шесть договаривались.

– Я пришел раньше.

Фролов привстал из-за стола. Репетитор протянул руку для пожатия:

– Юдин Сергей Саныч, – и вдруг, сделав страшные глаза,

он выкрикнул: – Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! Что ты – смерть?! Или исцеленье калекам?..

Поймав ошарашенный взгляд Фролова, репетитор пояснил:

– Ну, Сергей Саныч. Как Есенин, помните?

Почему-то он полагал, что Фролов непременно должен это помнить.

Рука у него была крепкая и горячая. Сергей Саныч был на полголовы ниже Фролова, чуть шире в кости и приземистее; казалось, он даже крепче стоит на ногах. В нем всего было многовато: чересчур черные густые юношеские кудри; чересчур ясные и светлые глаза; чересчур длинный нос; чересчур широкая улыбка. Пружинистая походка и подвижное лицо. Когда он улыбался – а улыбался он постоянно, – между зубами мелькала обаятельная щербинка.

Фролова будто ударили под дых; он стоял растерянный, не зная – то ли улыбнуться в ответ, то ли, наоборот, сделать лицо посуровее. Помедлил буквально секунду, но заминка стала заметной и оттого неловкой.

– Можно просто Сергей, – поспешно добавил репетитор.

– А я... кхм... Фролов.

– Просто Фролов?

Фролов не успел ответить, поскольку за спиной репетитора возникла Роза Эдмундовна. Опять началась суета, репетитор рассыпался в благодарностях и напоследок беззастенчиво клюнул Розу Эдмундовну в щеку, что с точки зрения

Фролова было совершенно неуместно при посторонних.

Затем он отвел Фролова в соседнюю комнату и объявил:

– Садитесь.

Просторная комната с большим эркером была залита светом. На полу лежал потертый паркет. У стены слева стоял диван, напротив – легкое синее кресло, а у окна громоздился стол, заваленный книгами. Книги были повсюду: лежали на подоконнике, на полу у двери, а около дивана здоровенная стопка книг заменяла тумбочку.

Фролов тут же подумал: будь это моя комната, я бы распорядился пространством иначе – раздобыл нормальную тумбочку, у выхода поставил велосипед, у двери повесил бы зеркало, под зеркалом сколотил бы шкаф для обуви. А еще, конечно, натер бы паркет мастикой.

В этих мыслях было что-то спасительное. Фролов думал о комнате, а сам исподтишка разглядывал нового знакомого; чтобы не слишком пялиться на репетитора, остановил взгляд на радиоле у стены. Над радиолой висела полка, забитая разномастными пластинками. Человек, пожелавший вычислить музыкальный вкус Юдина по этим пластинкам, потерпел бы фиаско. Впереди красовалась остромодная пластинка с надписью «Битлз» – полгода назад Ванька умолял подарить ему такую же на день рождения, и Фролов с огромным трудом достал ее через знакомых. За «Битлами» виднелась обложка «Лучшие песни Клавдии Шульженко».

– Ну-с. – Юдин плюхнулся в кресло и откуда-то выудил

потрепанный блокнот. – Вы, значит, ищете репетитора по английскому... Сын, дочка? Язык учите просто так или для поступления в институт?

– Сын идет в десятый класс.

– Значит, для поступления, – одобрительно кивнул репетитор и что-то черкнул в блокноте. – Это хорошо, что вы заранее пришли. А то у нас любят в последний момент спохватиться... Как зовут?

– Меня?

– Сына.

Фролов покраснел.

– Ваня.

Тут репетитор улыбнулся, и сразу до ушей.

– А вас как?

– Вова, – машинально сказал Фролов и тут же исправился: – Владимир Павлович.

– Ясно. А чего вы сына с собой не взяли?

– Ну как? Сначала надо договориться.

Юдин глянул в блокнот, снова поднял взгляд и сказал:

– У меня дорого.

Фролова это задело.

– Ясно.

– Хотите в иняз? В этом году как раз проходной балл вырос.

– Нет, – Фролов кашлянул. – Нам надо, чтобы сын поступил в институт в Москве. Пусть это будет дорого, но чтоб

наверняка.

Брови репетитора поползли вверх. Он разглядывал Фролова с таким неподдельным интересом, будто судьба свела его с австралийским туземцем. Даже блокнот отложил, чтобы не отвлекаться.

– Вот как, – сказал репетитор.

В тоне не было ни одобрения, ни осуждения, но Фролов бросился оправдываться, за что тут же себя возненавидел:

– Ваня способный парень, можете не сомневаться. Мне рекомендовали вас именно из-за этого. Сказали, что ваши ученики в прошлом году поступили в МГУ.

– Было дело, – согласился репетитор. – Однако гарантий нет, все сильно зависит от ребенка. Ваш сын хочет в какой-то конкретный институт?

– Пока нет, но готовиться надо уже сейчас. Иностраный язык везде будет хорошим подспорьем. Хоть в МГУ, хоть в МГИМО. Где угодно.

Брови Юдина окончательно зажали своей жизнью и поднялись так высоко, что почти слились с кудрями.

– Но позвольте, – сказал он, – вы ведь в курсе, что в МГИМО нет открытого набора?

– Но как же? Официально есть.

Юдин постучал карандашом по блокноту и задумчиво изрек:

– Официально и мясо в магазинах есть... И колбаса, и стерлядь, и сыр рокфор из книги о вкусной и здоровой пи-

ще...

«Умника из себя строит, что ли?», – неодобрительно подумал Фролов.

– Хорошо, не в МГИМО. Подойдет любой московский институт.

– Почему именно московский?

– Можно и в ленинградский.

– Да, но почему не здешний?

С точки зрения Фролова, такой вопрос мог задать либо блаженный, либо идиот. Ему хотелось спросить: а вы, Сергей Саныч, давно были на улице? Там-то не ваша просторная комната, не лепнина, не эркеры, не милая мама Роза за стенкой. Там скучный серый город, в котором жизни чахнут, едва начавшись. Мир только и ищет, кого бы сожрать живьем, но Ваню он не получит.

– У вас есть дети?

– Нет, – репетитор покачал головой.

– Но вы, наверное, и так понимаете, что родители всегда хотят лучшей жизни для своих детей.

Юдин покусал губы и пробормотал:

– Да-да, я понимаю... но все-таки...

Фролов перебил с излишней резкостью:

– Вы возьметесь или нет?

Они глядели друг другу в глаза. Казалось, что репетитор силится разгадать в лице Фролова какой-то сложный, но занимательный ребус.

– Ну хорошо, – наконец сказал он. – Приводите сына, посмотрим.

Это была какая-никакая, а все-таки победа. Фролов с чувством пожал репетитору руку. По дороге домой он припомнил детали разговора и смаковал предвкушение. Представлял, как все расскажет Ваньке и как тот скажет ему спасибо за хлопоты.

Дома царило необычное оживление. Из комнаты доносился веселый голос сына. Ванька рассказывал Ленке о каких-то транзисторах. Месяц назад он выпросил набор для радиолюбителя и теперь говорил о нем часами. Отвлекаясь от разговора, Лена выглянула из-за ширмы и увидела Фролова. Улыбка сразу сползла с ее лица.

– А, Вова, привет... Есть будешь?

– Буду, – согласился Фролов и поставил обувь на то место, где днем стояли югославские ботинки.

Лена вытерла руки о полотенце.

– Слушай. Надо обсудить насчет Сени.

Лена старалась говорить очень тихо, чтобы Ваня не слышал. Щеки у нее побледнели, причем не целиком, а пятнами. Фролову стало ее жалко, и мимоходом он удивился: вот, значит, как зовут кавалера – Сеня. С его точки зрения, тот мужик в рубахе с огурцами больше тянул на Эдуарда, Филиппа или хотя бы Антона.

– Лен, а что на ужин? – перебил он чуть громче, чем надо. Лена совсем растерялась.

– А?.. С-сайра.

– С картошкой?

– Ну да.

– С картошкой – это хорошо, – он протиснулся в комнату, обходя Лену, и приземлился за стол напротив Ваньки. – Что там у тебя?

Ванька продолжил тарыхтеть про транзисторы. Лена, косясь на Фролова, разложила по тарелкам рассыпчатую, пышущую жаром картошку с маслом и укропом, затем достала две банки сайры и принесла вилки. Она переставляла тарелки, протирала полотенцем и поправляла скатерть, и все это время не сводила глаз с лица мужа.

– Пап, а ты че такой довольный? – спросил Ваня.

Он сидел за столом, забравшись на стул с ногами. Длиннорукий, длинноногий и по-юношески нескладный, Ванька напоминал смешное и безобидное насекомое.

– А... у меня новость. Хорошая.

Ленка от неожиданности уронила вилку.

– Я нашел репетитора по английскому.

Ваня поковырял вилкой сайру в банке, нашел кусок пожирнее и отправил его в рот.

– Репетитор хороший, – добавил Фролов, надеясь разжечь в сыне огонек интереса. – Готовит к институту, в прошлом году его ученик даже в МГУ поступил. И живет недалеко, на Либкнехта. Сможешь ездить к нему после школы на трамвае. Скажи, здорово?

– Здорово, – согласился Ванька без энтузиазма.

Он всегда на все соглашался. На него и в три года не могли нарадоваться соседи. Охали и ахали: какой прекрасный, беспроблемный ребенок. Обычно Фролов радовался покладистости сына, но сейчас ему хотелось добиться от Ваньки хоть какого-нибудь чувства, пусть даже протеста или возмущения. Все лучше, чем вежливая безразличность.

– Пойдем к нему завтра. Но ты помни, если вдруг тебе что-то не нравится...

– Ладно, ладно. – Ваня вдруг заметил, как капнул маслом на скатерть. – Ой! Прости, мам.

– Ничего, я уберу.

После ужина сын засобирался к друзьям. Фролову не хотелось оставаться наедине с Леной; он попытался удержать Ваню дома, спросив про уроки.

– Пап, ну какие уроки! Еще даже учебный год не начался.

Тогда Фролов предложил партию в шахматы. Ванька отмахнулся, забрал гитару и ушел.

Все попытки отсрочить неприятный разговор с женой потерпели крах. Фролов включил телевизор, чтобы не сидеть в гнетущей тишине, и невидящим взглядом уставился в экран. На экране появился Аркадий Райкин и завел что-то интеллигентно-ироническое в своей манере. Лена протерла клеенчатую скатерть и убрала остатки сайры в холодильник. Еще какое-то время она ходила по комнате, не находя себе места, и наконец села в кресло напротив Фролова.

– Вов, я так не могу. Скажи хоть что-нибудь.

Райкин в телевизоре громко фыркнул. Фролов отозвался, не отрывая глаз от экрана:

– Что именно? Опять про Сеню?

– Слушай. Я знаю, ты должен был узнать по-другому...

Мерзко, конечно, все... И это моя вина.

В порыве чувств она даже закрыла лицо руками. Фролов удивился – прежде Лена не позволяла себе сцен. Даже ругалась как-то тихо, почти не повышая голос. А тут вдруг жесты, заламывания рук, да еще эти неуместные покаяния.

– Ну что теперь, в грудь себя будешь бить? – мягко спросил Фролов, пытаясь как-то успокоить жену. – Было и было.

– Вов, прости меня.

– Перестань.

– Нет, я не шучу. Прости.

– Да чего прости, забыли уже. Просто сделай так, чтобы Ванька не узнал. Он будет дергаться, переживать, еще экзамены завалит. Лучше подожди до института.

– А мы?

– А что – мы?

– С нами-то что?

– Ну, делай, что хочешь. Только Сеню домой не зови. А то Ванька вас застукает или соседи узнают.

Лена посмотрела на Фролова как на ненормального. Открыла рот. Закрыла. Потом опять открыла. Фролов представил, что сейчас будет: рассказ о том, почему она так поступи-

ла. Будут аргументы, чем хорош герой-любовник Сеня и чем плох он, Фролов. Фролов и сам догадывался, чем он плох, и совершенно не хотел это обсуждать.

– Не смотри на меня так. Я же сказал: забыли.

* * *

На другой день Фролов повел сына к репетитору. Ванька пробыл в комнате Юдина около получаса. Фролов ждал его в длинном коридоре коммуналки, прислушиваясь к звукам за дверью и гадая, выгорит ли что-то с репетиторством. О Сене и Лене он старательно не думал.

Сегодня Розы Эдмундовны не было. Вместо нее в коридоре мелькали другие жильцы. Где-то шумел телевизор. Под ногами опять крутилась кошка. Открылась дверь вдалеке – вышла сгорбленная старуха, зыркнула на Фролова и, шаркая тапками, удалилась в кухню.

Наконец дверь комнаты открылась, и Ванька вышел в коридор.

– Ну что? – накинулся на него Фролов.

Ванька пожал плечами.

– Нормально. То есть... я не против.

– Но тебе ведь понравилось? Если не понравилось, только скажи – найдем другие варианты.

– Нет, пап. Меня все устраивает.

В дверном проеме появился Юдин. Обведя взглядом Фро-

лова и не заметив недружелюбной старухи, выглянувшей из кухни, он кашлянул.

– Можно вас на минутку?

Ванька покраснел и засобирался.

– Пап, я тебя на улице подожду. Мы ведь домой?

Фролов не хотел домой.

– М-м-м... Да. Но я попозже. Хочешь – езжай один.

Ванька похлопал себя по карманам, ища проездной, поправил сумку на плече и вышел.

Еще пару секунд Фролов и репетитор неловко топтались на узком пяточке у входной двери. Фролов пошел справа – репетитор тоже шагнул вправо, Фролов шагнул влево, но все равно чуть не столкнулся к ним нос к носу. Отпустив смешок, репетитор пропустил гостя в комнату. Фролова нервировало лукавое и понимающее выражение на его лице: будто он замечал неуклюжесть Фролова, но находил эту черту не отталкивающей, а забавной.

Со вчерашнего дня в комнате мало что изменилось. Только на столе теперь лежали исписанные листочки, а из-под дивана на полу торчал уголок журнала.

– Я заставил вас ждать. – Юдин хлопнул себя ладонью по лбу. – Простите, голова дырявая. Обычно мама Роза принимает гостей, но сегодня суббота. В субботу она на даче.

«Зачем ты мне это рассказываешь?» – подумал Фролов. Чем дальше, тем больше он убеждался в том, что репетитор не от мира сего.

– Ясно.

– Хотите кофе?

Фролов хотел.

Дожидаюсь кофе, он стоял у эркера, наблюдая жаркое утро разгорающегося августа; за окном качалась тяжелая ветка разлапистого клена. Но больше уличного пейзажа Фролова интересовало само окно – на нем, кажется, даже шпингалеты были дореволюционные.

– Сын у вас замечательный, – сказал Юдин, заноса в комнату чайник. Он достал откуда-то две разномастные кружки, щедро насыпал кофе, плеснул кипятку и размешал.

Фролов вздрогнул от звука ложечки, звонко бьющейся о стенки, и отвернулся от окна.

– Значит, вы возьметесь за него?

Вместо ответа Юдин протянул кофе.

– Берите. Сахар в миске.

– Спасибо, – Фролов взял кружку. – Так вы возьметесь или нет?

– Давайте сначала присядем.

Фролов сел на диван, Юдин тоже. Его подвижное молодое лицо оказалось напротив. Фролов старался лишний раз в него не всматриваться: то казалось, что репетитор слишком молод, то, наоборот, что чересчур опытен. Он побаивался людей, сочетающих в себе прямооту и пронциательность.

– Я задам один вопрос, только вы не обижайтесь.

Формулировка подсказывала, что именно после таких во-

просов люди и обижаются.

– Ваня знает, что вы хотите отправить его в Москву?

– В каком смысле? – переспросил Фролов и, не дожидаясь ответа, продолжил: – В смысле учебы? Конечно, он знает, что после школы надо куда-то поступать.

– Нет, я имею в виду переезд. У меня сложилось впечатление, что Ваня... Ваня очень добрый. Домашний мальчик. Таким ребятам обычно тяжело отрываться от родителей. Мне на его месте было бы тяжело.

– Ну... э-э... да, он домашний. Это плохо?

– Нет.

– Вот и я так думаю. Нет ничего дурного в том, что наши дети не такие закаленные, как мы. В конце-то концов, этому поколению уже не нужно осваивать целину.

Он сказал так, чтобы щелкнуть Юдина по носу: разговор о целине совершенно не вязался ни с обликом Юдина, ни с его манерами, ни с привычным ему миром.

Юдин в ответ лишь улыбнулся.

– Да, вы правы, это совсем неплохо. Но Ване придется в одиночку переехать в другой город и там устроиться. Не то чтобы мое мнение что-то значило, но вам не кажется, что ему будет трудно?

Фролов промолчал. Внутри его смутно клубилось и ворочалось чувство без названия где-то между гневом и восхищением: надо же, какой наглый. Еще ничего не знает, а уже советы раздает.

– Вы поймите, – торопливо прибавил Юдин, – здесь все зависит от желания. Мы с вами можем увлечь парня английским и здорово подтянуть его за год. Но если он сам не захочет ехать в Москву или Ленинград...

– С чего вы взяли, что не захочет?

– Я спросил у Вани, какие у него планы после школы. Он говорит, что раздумывает о радиотехнике. Английский там не нужен.

Фролов стиснул кружку. Предчувствие не обмануло: этот Сергей Саныч говорил так, будто лучше его знал Ваньку. Будто ему хватило получаса, чтобы все понять и просчитать. Теперь он считал себя вправе попрекать Фролова. Мол, вы, дорогой Владимир Палыч, тешитесь мыслью, что ваш сын далеко пойдет. А сынок-то ваш предпочтет остаться в этой богом забытой дыре. У него кишка тонка уехать.

Фролов взял себя в руки и медленно, с расстановкой произнес:

– Вы Ваню не слушайте. Он не любит разочаровывать взрослых. Вы спросили об институте, а он постеснялся сказать, что планов нет. Мое мнение – надо готовиться к институту уже сейчас, а к какому именно, мы пойдем в процессе.

– А если Ваня поймет, что все-таки хочет в наш институт, а не в Москву?

– По-вашему, мой сын идиот?

– А что, на радиотехнику поступают идиоты?

– Если у Вани есть возможность уехать в город получше,

а она у него есть, зачем ему оставаться?

– Здесь дело не в возможностях. – Юдин покачал головой. – Слушайте, я знаю, как это выглядит. Я лезу в душу и задаю неудобные вопросы. Конечно, уедет Ваня или нет – решать Ване. И вам... и вашей жене...

Про жену он сказал после паузы, будто спохватившись.

– Но я же не просто так вам надоедаю. Вы хотите гарантий, что Ваня поступит в МГУ, а я не могу их дать. Я даже не уверен, что Ваня захочет поступать в МГУ. И сам Ваня в этом не уверен. Как бы мы ни выстроили учебную программу, все может пойти псу под хвост.

– А вам что, деньги не нужны?

– Я просто не хочу, чтобы вы зря их тратили.

Фролов вспомнил вчерашнее «у меня дорого» и то колкое чувство ущербности, которое он после этого испытал.

– Очень... ммм... любезно с вашей стороны. Мне пора идти.

Внезапная смена темы огорошила Юдина. Он встал с кресла. Лицо у него было растерянное.

– Владимир Палыч, вы меня простите. Я совсем не хотел обидеть.

– Вы и не обидели, – солгал Фролов и поставил нетронутую кружку с кофе на столик.

– Решение целиком за вами, и ваши деньги, сын, ваша жизнь – совершенно не мое дело. Просто я хочу быть честным и не обещать лишнего. Извините, если перегибаю. Это

со мной бывает.

Фролов подумал: интересно, он так пытается зацепить и удержать? Эти взгляды, улыбки, душеспасительные разговоры про сына, уверения в честности – иными словами, попытки набить себе цену – все это действительно работает? Наверное, да, раз Фролов до сих пор не ушел.

– Мне пора, – повторил он, окончательно разозлившись. Ему уже хотелось уйти из принципа – чтобы Юдин не думал, что его приемчики останутся безнаказанными.

– А что насчет Вани?

– Насчет Вани не беспокойтесь.

– Владимир Палыч...

– Мне правда пора идти.

Юдин проводил его до дверей, бормоча под нос извинения. В темном коридоре они с Фроловым чуть не столкнулись плечами. Буркнув дежурное «до свидания», Фролов вынырнул из коммуналки и, торопясь, спустился по лестнице. Ступенька, вторая, быстрее, быстрее. Выбрался на свет, вдохнул, зажмурился: слава богу.

3

Август перевалил за середину. На излете лета время замедлилось, стало вязким и монотонным, и казалось, что солнце, неподвижное и огромное, все время стоит в зените, лениво вглядываясь в человеческое копошение где-то внизу.

Ванька наслаждался последними деньками каникул и редко появлялся дома. Лена тоже где-то пропадала – как подозревал Фролов, встречалась с Сеней, пытаясь урвать час-другой после работы.

Фролов частенько ловил себя на мысли, что придумывает остроумные ответы для репетитора – колкие и злобноватые, с оттенком превосходства. Они бы точно сбили с Юдина спесь. Что может знать о воспитании бездетный, бессемейный, ни за кого не отвечающий человек? Вырастил бы сначала парочку своих детей, а потом лез с ценным мнением в чужую семью.

Это ничем не прикрытое чувство гнева было для Фролова ново. Он давным-давно не испытывал такого яркого раздражения и теперь не знал, куда его деть. Мысленно он возражал репетитору, но где-то в глубине души его грызло сомнение: а что, если Юдин прав насчет Вани? Пару раз Фролов нарочно заводил пространные разговоры о том, как дети уезжают из родительского дома, и спрашивал, куда Ванины сверстники собираются после школы. Ваня в ответ пожимал плечами и отшучивался.

– Хочешь меня сбагрить? Еще чего!

А за четыре дня до первого сентября вскрылось ужасное. За ужином Фролов предложил съездить в универмаг и купить канцтовары.

– Давай в выходные или в пятницу, а то мне завтра еще за книгой ехать к одному студенту. Я не рассказывал? Живет

на другом конце города, ехать далеко, но дело стоящее. – Ваня намазал на хлеб большой кусок масла и с удовольствием откусил. – Сеффгесаффч дфал аффрес...

– Прожуй сначала.

– Сергей Саньч дал адрес. Парень у него в прошлом году учился. У него папаша из каких-то важных шишек, у них дома есть иностранная литература. Может дать почитать Ко-нан Дойла. Будем по нему английский изучать.

От неожиданности Фролов замер, не донеся до рта вилку.

– Ты ходишь к репетитору?

– Хожу, конечно, – согласился Ваня. – По средам после обеда, как договаривались.

– Мы не договаривались.

– Э-э-э... да? А я так понял, что все улажено.

Лена переводила взгляд с Вани на Фролова. Фролов покраснел и ковырнул вилкой гречку.

– И сколько уже занятий было?

– Сегодня третье.

– Мог бы предупредить.

– Я думал, ты знаешь.

– И что, ты собираешься и дальше к нему ходить? – все больше раздражаясь, уточнил Фролов.

– Ну... э-э-э... да. Мы прошли тест. Разговаривали. Он проверял, как я на слух понимаю. Кстати, он так здорово по-английски шпрехает – как эти... синхронные...

– Синхронисты, – негромко подсказала Лена.

– Точно.

– А деньги? Кто за это платит?

– Я думал, ты вперед заплатил.

С лица Фролова схлынула краска. Теперь он сидел бледный, до боли стиснув в руках вилку. Лена поглядывала на него с опаской, будто ждала, что сейчас он издаст вопль отчаяния и со всей дури воткнет вилку в стол.

– Короче, завтра я сметаюсь за книжкой, – закончил Ваня, тоже косясь на отца. – А послезавтра, в пятницу, купим канцтовары. Идет?

– Ладно, – сказал Фролов и положил вилку на стол. Его самого напугала собственная реакция. – Прости, что-то я... неверно понял... А что насчет института?

– Что?

– Сергей Александрович говорил, что ты подумываешь о радиотехнике. Это правда?

Ваня неопределенно пожал плечами.

– Не знаю. Возможно.

– Ты ведь понимаешь, что есть варианты получше. Не обязательно выбирать из местных институтов.

– Да, пап. Я в курсе.

– Есть Москва, есть Ленинград... Вариантов гораздо больше, чем кажется. Ты у нас способный парень, тебе все дороги открыты. Нельзя рассуждать так, как будто у тебя одна извилина... И не смотри на меня так, я говорю правду. Если здесь что-то не подходит, ты всегда можешь выбрать

другой город, а мы с матерью сделаем все, чтобы...

– Знаю, – скупобронил Ваня. – Давай потом.

– Когда потом?

– До института еще целый год.

– Но решение придется принимать раньше, – возразил

Фролов.

– Пап, давай так: сейчас я устал и не хочу говорить.

– От чего ты устал? Ты же ничего не делаешь.

Уязвленный, Ваня отодвинул тарелку и отряхнул стол от крошек.

– Пойду в душ, я место застолбил.

– Но институт...

– Вов, – перебила Лена, – не наседай. Времени еще полно.

* * *

На заводе творилось черт-те что: приближалась сентябрьская сдача отчетности. Пришлось раз по двадцать перепроверять одно и то же; едва дождавшись конца рабочего дня, Фролов с досадой сложил документы в папку, туго перевязал папку тесемкой и поехал к репетитору.

Трамвай напоминал Ноев ковчег – люди возвращались домой после смены, вминаясь друг в друга, толкаясь локтями и теряя человеческий облик. Перетерпев тесноту, Фролов выскочил из трамвая и пошел знакомой дорогой к дому Юдина. У подъезда стоял красный «Запорожец» с распахнутым

багажником. Фролов подошел поближе и увидел в багажнике гору яблок. Из-за машины выглянула Роза Эдмундовна и воскликнула:

– Ах, это вы! Здравствуйте-здравствуйте! Снова пришли к Сереже? Семен Семеныч, знакомьтесь, это Вова. Его сын ходит к Сереже на английский.

Из «Запорожца» вылез суховатый дедок в кепке и пожал Фролову руку. Роза Эдмундовна просияла улыбкой. Она обращалась с Фроловым так, будто он был старым другом семьи.

– Ой, Вова, а могу ли я попросить об одолжении? Нам тут нужно забрать яблоки из машины, у меня страшно болит спина, а Сережа ведет урок. Нет, вы видели, сколько в этом году яблок? А еще даже не осень. Я делаю с ними компот и шарлотку. Вы пьете компот?

Фролову дали большое жестяное ведро. Он наполнил его яблоками и понес, шагая за Розой Эдмундовной. На лестнице ему навстречу вылетел Юдин. Оба остановились. Фролов подумал: какой же он нелепый. Глаза голубые, губы красные, на голове какой-то бешеный взрыв кудрей.

– Владмирпалыч, – Юдин опустил взгляд вниз и уставился на ведро с яблоками. – Вы чего?

– Ох, Сереж, прости, – всполошилась Роза Эдмундовна. – Я думала, у тебя урок. Попросила Володю помочь.

– Давайте я, – предложил Юдин и попытался забрать у Фролова ведро, но Фролов его не отдал.

– Нет уж, я сам.

– Сережа, если хочешь помочь, сходи вниз и заведи у Семена Семеныча второе ведро. Там еще полно яблок. Володя, заходите. Ведро несите в комнату. Вот сюда.

Пока Роза Эдмундовна хлопотала на кухне, Фролов задержался у окна. С высоты второго этажа ему была видна суэта вокруг «Запорожца». Опираясь о капот, Семен Семеныч курил, являя собой пример величавой неспешности. Юдин, напротив, шустро скакал около багажника. Он был неловок. Хватал яблоки и ронял, поднимал и опять ронял. Из каких-то темных глубин выплыло детское воспоминание: Фролову пять лет, он сидит в цирке на Фонтанке рядом с дядей Яшей, а на арене в луче света носится смешной клоун, жонглируя мячами.

Визит затянулся неприлично и неоправданно. Разгрузив машину, Юдин уехал с Семен Семенычем в гараж, чтобы забрать закаточную машинку для банок с компотом. Фролов остался ждать, чувствуя себя идиотом. Роза Эдмундовна уговарила на тарелку супа и, пока он орудовал ложкой, невзначай поинтересовалась:

– А почему вы сегодня пришли – из-за Вани? Как раз хотела сказать, какой у вас чудесный мальчик.

– Какой там мальчик, восемнадцать лет почти.

– Тоже мне! Это разве возраст? Вот посмотрите на Сережу, ему уже тридцать третий год идет, а иной раз такой ребенок... Вот и его мама, царствие ей небесное, всегда говори-

ла: за Сережей нужен глаз на глаз... Возьмите салфетку, не стесняйтесь, я сама ее шила. У нас в соседнем доме прекрасный галантерейный магазин, и неделю назад они выбросили потрясающий отрез ситца.

Фролов опустошил тарелку, взял предложенную салфетку – синюю в клеточку – и промокнул губы.

– Значит, вы пришли насчет Вани? – продолжала Роза Эдмундовна.

– Да, хочу вернуть долг. Сергей Саныч не взял предоплату.

– О, с ним такое сплошь и рядом. Стесняется говорить про деньги.

– Мне так не показалось.

– Дайте угадаю: Сережа наверняка болтал, что у него дорого. – Роза Эдмундовна отмахнулась. – Он одержим идеей, что должен работать только с заинтересованными детьми и такими же заинтересованными родителями, вот и устраивает проверки. Я ему говорила, что глупо отпугивать людей при первой встрече, но он меня не слушает.

В этот момент в дверном проеме появилась кудрявая голова.

– О! Вы все еще здесь! – воскликнул Юдин. – Я боялся, что не застану. Мама Роза, держите машинку. Владмрпалыч, можно вас?

Он произносил имя Фролова сплошной абракадаброй, слегка задыхаясь. Фролов выбрался из-за стола. В суете он

почти позабыл, зачем пришел, и, только оказавшись в комнате наедине с репетитором, вспомнил. Юдин закрыл дверь, повернулся к нему и нервно расчесал волосы пятерней.

– Слушайте, это очень хорошо, что вы пришли. Я как раз хотел извиниться. В прошлый раз мы разошлись на нехорошей ноте, и мне показалось, я вас задел. С моей стороны было самонадеянно лезть к вам с советами, и вы правильно сделали, что послали меня к черту.

– Я не посылал вас к черту, – уверенно соврал Фролов. – Я только сказал, что мне пора идти. К тому же вы уже извинялись.

– А... ну да. – Юдин стусевался и снова запустил руку в волосы. – В любом случае еще раз прошу прощения. Я хотел передать вам, что мы с Ваней уже занимаемся, но решил, что он сам вам расскажет. К тому же у меня нет вашего телефона. А вы, наверное, подумали обо мне черт-те что?

– Нет.

– Нет?.. На вашем месте я бы разозлился.

– А я нет, – снова солгал Фролов.

Сам не знал, зачем врет. Просто не хотелось выглядеть злопамятным.

– Забудем. – Фролов достал кошелек из кармана брюк. – Я пришел погасить долг.

– Какой долг?

– За первые три недели.

– А.

– Подзабыл, сколько вы берете за занятие?

Юдин слегка покраснел, кашлянул и назвал сумму. Не так уж дорого – Фролов готовился к худшему. Он пересчитал купюры в кошельке. Уже собирался протянуть Юдину деньги и попрощаться, но тут Юдин брякнул:

– А вообще-то я передумал. Для вас это будет дешевле.

Фролов поднял брови и изучающе уставился на Юдина, втайне радуясь, что у него есть повод рассмотреть его поближе. В голове крутилось плоское и опасное слово – «красивый». Это слово Фролов использовал за неимением более точных определений. В действительности Юдин не был красив: его портил длинный нос и крупные черты лица.

– Я могу заплатить и полную цену, – на всякий случай сообщил Фролов.

– Конечно, можете. – Юдин широко улыбнулся. У Фролова в груди что-то екнуло. – У нас страна возможностей. Вы можете платить, а я могу не брать деньги.

– Но все-таки возьмите. И считайте, что мы договорились. Ваня будет приходить по средам. Рассчитываться буду раз в месяц, вас устроит?

– Здесь слишком много.

– Здесь ровно столько, сколько вы сказали.

– Но я передумал.

– А я нет. Берите деньги и не морочьте мне голову.

Победа была за Фроловым: он вложил купюры в горячую руку Юдина, стиснул чужие пальцы и, замерев на миг, от гре-

ха подальше отступил.

Потом он вспоминал, что, кажется, выдал себя именно этой секундой – слишком медленно сжал чужую руку, слишком надолго растянул прикосновение. Надо было просто положить деньги на столик, но Фролов поддался порыву. Он надеялся, что порыв останется незамеченным, но вдруг случилось нечто странное.

Юдин вздрогнул, посмотрел вниз, на деньги в руках, и вверх, на Фролова. Он тоже помедлил, но затем шагнул к Фролову, сокращая дистанцию. Будто хотел удержать какое-то ускользающее чувство, которое повисло в воздухе между ними, но еще не успело растаять.

– Послушайте. Я как раз хотел спросить...

Фролова пронзил испуг. Дистанция стала опасной – он увидел прожилки в голубых глазах, морщинку между бровями и тонкий волосок на плече водолазки.

– То есть... я... – бормотал Юдин. – Я подумал, может быть, вы...

– Извините, – перебил Фролов, – мне уже пора. Жена дома ждет.

Юдин споткнулся и посмотрел на него по-другому.

– Что ж, – сказал он, подумав, – передавайте жене привет.

– Обязательно.

Репетитор снился Фролову. Во сне он шел по улице. В руках у него было большое ведро с дурацкими яблоками, он улыбался. Подошел поближе и спросил что-то про жену. Фролов проснулся. На часах было четыре утра. Лена посапывала на другой стороне дивана. Ванька храпел в углу за сервантом.

Фролова терзало расслоенное чувство: и уязвленность, и сожаление, что сон кончился, и жгучий стыд за то, что его хотелось продолжить.

Он смотрел в потолок и думал о том, что надо быть аккуратней. Не стоило убегать от Сергей Саныча, он ведь прощительный сукин сын – вечно что-то додумывает, трактует по-своему, да потом еще и высказывает. Додумает и в этот раз. Надо было дождаться сформулированного вопроса. Сто шансов к одному, что вопрос был безобидный – может, Юдин хотел уточнить, в каких числах производить расчет. И уж конечно, не стоило приплетать к разговору жену. Стремление прикрыться женой выдавало Фролова с потрохами.

Настроение было скверное. Пятничный вечер они с Ванькой провели в очереди за канцтоварами, а в субботу Фролов бросился выбивать ковер во дворе и разбирать хлам на антресолях. К вечеру пришла какая-то девчонка.

– Здравсьте, а Ваня дома?

С виду ей было лет пятнадцать. Высокая и миловидная, с беличьими зубами и блестящими волосами. Ваня охнул и бросился обуваться.

– Пап, это Оксана. Оксан, это мой папа... Все, мы убежали в кино, не теряйте. Буду вечером.

Стоило Фролову закрыть за ними дверь, как Лена, не отвлекаясь от глажки, сообщила:

– Оксанка учится с ним в одном классе.

Фролову не понравилось, что жена знает что-то, чего не знает он.

– И давно они так гуляют?

– Месяца два. Может, три.

– А мне, значит, ни слова... Парню, между прочим, надо учиться, а не за девочками бегать.

Лена только покачала головой.

У Фролова появилось неприятное чувство, что реальность стала ускользать из-под его контроля. В довершение утра первого сентября он столкнулся в курилке с Шуриком Егоровым. Это тоже было так себе впечатление.

– Вовка! – закричал Егоров и с чувством хлопнул Фролова по спине. – Сто лет не виделись.

Фролов вздрогнул и выдавил улыбку.

– А, гражданин начальник. Я вас издалека и не узнал.

– Да иди ты.

Егоров распотрошил пачку сигарет и жестом попросил прикурить. Вид у него был деловитый и вальяжный, как и

подобает начальнику. Года три назад Шурик подружился с нужными людьми и перевелся в профком. Теперь он был при деньгах и на хорошем счету, и звали его не Шурик, а Александр Геннадьевич. Фролов во избежание недоразумений перестал обращаться к нему по имени.

– Что-то тебя давно не видеть, – сказал Егоров. – Мы в пятницу распекали Пашку Мутовкина. Я думал, уж ты-то точно придешь.

Егоров имел в виду собрание профсоюза – гнусное собрание, на котором культработники, общественники и ярые комсомольцы выступали с обличениями неосознательных коллег. Обычно осуждали пьянство и разгильдяйство, но могло прилететь и за другое. После случая с перепутанными бумагами Фролов боялся таких собраний как огня.

– Ты ж у нас образец благопристойности, Вовка. Тебе обязательно надо быть.

Эту мысль Егоров изрек с оттенком ехидства. Фролов подозревал, что так звучит эхо давней обиды. Егоров был злопамятный, как дьявол, и все еще держал в уме, что Фролов когда-то отбил у него Лену.

– Мутовкин – это кто-то из снабжения?

– Да-да, рыжий такой, с портфельчиком.

– И что он натворил?

– Заделался бардом, отрастил бороду и патлы почти до плеч. Девки из кадров предупреждали: Паша, ты зарос как обезьяна, позоришь весь отдел, а к нам на той неделе придут

с телевидения. Мутовкину хоть бы что. Ну, мы и сделали ему выговор. Жаль, тебя не было.

– Да я... это... Первое сентября как-никак. Надо канцтовары купить, костюм приготовить... ну и так далее.

– Он же у тебя здоровенный лоб. Сам не справится, что ли?

Фролов пожал плечами и затянулся сигаретой. Егоров улыбнулся еще шире.

– А я уж подумал, ты на выходные к теще на дачу уехал.

– Нет. Может, на следующие.

– Как там поживает Тамара Виссарионовна?

Егоров считал себя бесстрашным юмористом. У Фролова даже зубы заныли.

– Ты, кстати, слышал, что твой дом почти достроили? Я вчера узнавал у нас в профкоме, завод обещает сдать его к ноябрю.

Фролов от волнения уронил пепел себе на брюки и спешно бросился их отряхивать.

– Э-э-э... да... да, конечно... – Ему не хотелось и здесь обнаруживать свою неосведомленность. – Здорово. Уже к ноябрю...

– Я считаю, это дело надо обмыть. Приходите в гости. Двойной повод: у вас с Ленкой квартира на носу, а у нас с Лялей годовщина свадьбы. Грех не отметить, а?

Егоров скорчил рожу, которая означала: в гробу я видел эту годовщину, но сам понимаешь – бабы есть бабы. Затем

Егоров посмотрел на часы и спохватился:

– Ох, старик, мне пора бежать. В следующее воскресенье, договорились?

Бодро насвистывая, Егоров исчез за поворотом. Оставшись в одиночестве, Фролов потушил дотлевающий окурочок. Пепельницей служила стеклянная банка из-под болгарских консервов.

* * *

Новость о квартире окончательно сбила Фролова с толку. Мысли путались и перескакивали с одного на другое. Не может быть, чтобы к ноябрю. Егоров шутит. Перспектива наконец-то получить квартиру вытеснила из головы переживания о Ванькиной учебе и Сергее Саныче Юдине. Весь день Фролов смотрел в строчки отчета, не видя их. Перед глазами мелькали квадратные метры, комнаты, окна, двери, обои. Фролов размышлял о том, с каким ремонтом сдадут квартиру, и уже прикидывал, как лучше организовать переезд.

Он мысленно сетовал на неудобное время года: в ноябре уже будет лежать снег, а значит, поздно мыть окна, но тут же упрекал себя за привередливость. Какие, к черту, окна, когда речь идет о целой квартире. Плевать, до весны они легко доживут и с грязными окнами. А если кто-нибудь из соседей решит его упрекнуть, так Фролов живо поставит его на место. Квартира – это не комната в общежитии, там у человека свои

правила, и они кое-что значат.

Перед уходом он заглянул в профком. За столом в приемной сидела секретарша Танечка и, широко открыв рот, подводила глаза черным карандашом. От уголка правого глаза к виску бежала длинная жирная стрелка.

– А, Владимир Палыч. – Таня, не отвлекаясь, помахала рукой. – Вы к кому? Все уже ушли.

– Я к вам. – Фролов просочился в приемную и закрыл за собой дверь. – Егоров сегодня сказал, что наш дом сдадут к ноябрю.

Танечка сурово сдвинула брови к переносице.

– Ох уж этот Александр Геннадьевич. Ведь черным по белому сказано: держать язык за зубами до официального объявления.

Имя Егорова Танечка выговаривала лукаво, с туманной игривостью. Фролов уже давно подозревал, что Егоров спит с ней за спиной у жены. Он точно знал, что до Танечки у Егорова был какой-то мутный роман в бухгалтерии. Видимо, бухгалтерия ему наскучила, и теперь Егоров переключился на профком.

– А чего вы от меня-то хотите? – спросила Танечка. – Я здесь ни с какого боку.

– Вы просто скажите: это правда? Насчет ноября?

Ради приличия Таня хмурилась еще минутку. За эту минуту она успела закончить левый глаз и достать из сумочки помаду. Наконец смилостивилась и сообщила:

– Так говорят.

– Кто говорит?

– Шульгина, – заявила Таня. – Вера Степанна. Ну, Вера Степанна, в очках такая, помните?

Фролов не помнил, но на всякий случай кивнул.

– Ну, вот Вера Степанна с весны ведет у нас очередь на квартиры. После того как Надя Полунина в декрет ушла. Надю-то вы помните?..

– Так что насчет очереди?

– Я о ней и говорю. Вчера Вера Степанна докладывала, что из районной комиссии пришел план по сдаче объектов. До Нового года надо обязательно сдать дом, иначе в следующем году бюджеты сократят. Там рабочие как раз заканчивают отделочные работы...

Волнуясь, Фролов сел за стол напротив Тани. Она трещала без умолку. Иногда он выхватывал из ее монолога отдельные слова, бередившие душу.

– А где, говорите, этот дом?

– Где-то в Автозаводском. – Таня заглянула в бумажки, разбросанные на столе, и весело добавила: – Вот, точно. Автозаводской район, улица Брестская, дом восемь.

Брестская! Совсем недурно. Далековато, но зато вредные производства не близко, и район не самый скверный, рядом бульвар и больница.

– Вот, значит, сдадут дом через полтора месяца... – продолжала Таня.

– Даже так?

– Но вы раньше времени не радуйтесь. Дальше уже вопрос бумажной волокиты. Сами понимаете, надо всех очередников по спискам прошерстить, провести проверку, собрать документы, организовать приемку...

– Вы сказали, будут шерстить очередников? Это как?

Таня посмотрела на него с легким укором.

– Всех проверят по спискам. Профкому нужно знать, насколько семья соответствует нормативам.

– Так ведь все проверяли.

– Когда это было! С тех пор уже столько воды утекло. Вы не хуже меня знаете, что у нас эта очередь годами тянется. А люди женятся, разводятся, детей заводят. Умирают, в конце концов. Полгода назад была история: подошла очередь одной женщины, ей уже ключи готовились выдавать, и тут выясняется, что ее дочь вышла замуж и у мужа прописалась, а муж этой женщины ушел к другой, представляете?

– Муж дочери? – запутался Фролов.

– Муж матери! Той, которая в очереди стояла. В итоге она осталась одна в своей однушке. А мы уже двухкомнатную ей готовились давать в расчете на всю семью. Вы понимаете, какая наглость?.. У нас и постановление есть: перепроверять жилищные условия очередников перед тем, как подтвердить место в очереди. Вот у вас какое место?

– Двести девятнадцатое, – сказал Фролов.

Танечка запнулась.

– Какое-какое?

– Двести девятнадцатое.

Танечка поворошила какие-то графики и таблицы, нетерпеливо перевернула лист с плохо отпечатанным планом этажа и после некоторых размышлений изрекла:

– Плохо.

– Почему же плохо? – Фролов вытянул шею, пытаясь заглянуть в бумаги.

– Смотрите. Здесь по документам девять этажей, на каждой лестничной клетке четыре квартиры. Умножаем девять на четыре, выходит... ммм... тридцать шесть. Стало быть, тридцать шесть квартир в подъезде. А подъездов у нас шесть. – Таня ткнула в план этажа. – Значит, шесть раз по тридцать шесть – это у нас...

– Двести шестнадцать, – похолодев, подсказал Фролов.

Танечка сочувственно поджала губы.

– Вот видите.

Что-то в его душе оборвалось и упало вниз. Он двести девятнадцатый, а квартир двести шестнадцать. На душе стало пусто и стыло, и еще почему-то неудобно перед Танечкой.

Этим утром, приходя на работу, он знать не знал, что скоро получит квартиру, но теперь уже поверил, позволил нетерпению захватить себя – и вот все кончилось, даже не начавшись.

– Вы только не торопитесь с выводами, – сказала Танечка. Она бросила взгляд на висящие на стене часы и спохва-

тилась: – Ох, что-то я засиделась. Бежать пора, а то в гастроном не успею.

Фролов зачем-то подождал, когда она выключит свет и закроет кабинет. Вместе с Танечкой по инерции дошел до проходной. Каблуки звонко стучали по бетонному полу.

– Послушайте, – снова начала она. – Вы не расстраивайтесь. Может, при проверке кого-нибудь из списка вычеркнут.

Фролов с трудом сбросил оцепенение.

– Вы думаете?

– Владимир Павлович, да ведь вам всего три места не хватает. Три человека из двухсот шестнадцати вычеркнут – и все, квартира ваша. Я уверена, так оно и будет.

С этими словами Таня успокоительно похлопала его по предплечью.

– Я попробую достать списки, а вы не унывайте, договорились? Все, я побежала. Александру Геннадьевичу передавайте привет.

По пути домой Фролов впал в прострацию. У общежития он чуть не сбил с ног дворника. Дворник уронил метлу, ругнулся и, кряхтя, наклонился за ней. Фролов как раз извинялся, когда из подъезда выскочил Ваня.

– А, пап, это ты. Я гулять с ребятами.

Вид у него был невеселый.

– А чего такой понурый?

– Там это, – Ваня махнул рукой и поморщился, – бабушка пришла.

У Фролова вырвался тяжкий вздох. Поднимаясь по лестнице, он мрачно размышлял, что при Тамаре Лаврентьевне ни за что не расскажет о бедах с квартирой. Теща никогда не упускала случая уколоть Фролова; она блестяще справлялась с этой задачей и без повода, а уж с поводом развернулась бы по-царски.

Справедливости ради, она ничего не имела против него лично. Тамара Лаврентьевна нападала не только на Фролова, а почти на всех хоть сколько-нибудь знакомых людей. Выбирая жизненную миссию, она пришла к выводу, что ее долг – задавать окружающим золотой стандарт поведения в обществе. Однажды она поставила планку, как следует жить, и с тех пор неустанно всем на нее указывала.

С точки зрения Фролова, любить Тамару Лаврентьевну было так же трудно, как испытывать теплые чувства ко льву, который грызет твою ногу. Еще на подходе к двери Фролов услышал ее хорошо поставленный голос:

– ...вы разбаловали ребенка, Лена. Нет, не спорь, я говорю: разбаловали, значит, так и есть.

Фролов скользнул в комнату, сел на стул на пяточке у двери и не спеша разулся. Ему хотелось оттянуть момент, когда придется поздороваться.

– Убежал неизвестно куда и даже не извинился, – продолжала теща. – Хотя видит, что в гостях бабушка... Это дверь хлопнула?

Фролов беззвучно выругался себе под нос. Лена выгляну-

ла из-за ширмы.

– А, Вова, это ты.

– Вова пришел? – крикнула теща. – Зови скорее к столу.

Фролов поставил ботинки под стул и нехотя зашел в комнату. Тамара Лаврентьевна сидела за столом, внушительная, как кобра, и перемешивала сахар в фарфоровой чашечке. Чашка была из парадного сервиза, к ней еще прилагалось тонкое блюдо с вензелями. Рядом в вазочке золотисто блестявились обертки от конфет «Кара-Кум».

– Что-то ты поздно, – неодобрительно сказала Тамара Лаврентьевна, окинув Фролова взглядом.

– А... да. На работе задержали.

– Это хорошо, если за переработки вам доплачивают. Деньги никогда не лишние... Да, Лена? Вам бы деньги не помешали... Что-то Вова похудел и бледный какой-то. Вова, ты хорошо спишь?

Как всегда, при встрече с тещей у Фролова отключилось сознание. Он сел за стол и только после паузы понял, что теща обращалась к нему, а он забыл ответить.

– Э-э-э... Да. Спасибо, все в порядке. Что у нас на ужин?

Лена подала ему тарелку с варениками. Вареники были плотные, блестящие от масла, с большими ушками по краям.

– Видимо, дело в питании, – заключила Тамара Лаврентьевна, наблюдая за тем, как Фролов ест. – Вова, ты как из голодного края. Лена наверняка тебя не кормит.

Если бы за каждый упрек Тамара Лаврентьевна получала

по копейке, она бы давно уже разбогатела, купила себе новую дочь и зятя и окунулась бы в пучину отчаяния, окруженная идеальными людьми, к которым не придерешься.

– Мам, ну что ты, – сказала Лена. – Мы отлично питаемся.

– А я что? Я добра желаю. Посмотрела в ваш холодильник – разве так едят? Какие-то консервы, булки, картошка. Вареники эти.

– Ване нравятся вареники. И я их люблю.

– При чем тут люблю – не люблю? Есть такое слово – надо. Семье надо питаться полноценно, а не забивать живот тестом и картошкой. Нужно варить супы, тушить рагу...

– Я ведь с утра до вечера работаю, – произнесла Лена, оправдываясь. Тон у нее был беспомощный. Фролова пронзило чувство где-то между жалостью и омерзением.

– Да это смех, а не работа. И, Лен, я ведь давно говорю: пора взяться за хозяйство. Ты бы хоть на курсы какие сходила, может, научишься чему. По вечерам в нашем ДК есть отличные курсы для домохозяек.

– Лучше расскажи, как дела у папы.

Тамара Лаврентьевна отмахнулась.

– Он целыми днями на даче.

– А что на даче?

– Да какая разница? Чинит забор, наверное. Или крышу латает, я уже и не помню. – В тоне Тамары Лаврентьевны появилась нотка раздражения. Она не любила, когда ее уличали в безразличии к мужу. – Ты же его знаешь – из него

лишнего слова не вытянешь. Вот и ты такая же. В семье поговорить не с кем.

Вареники в тарелке кончились, и теперь Фролов с трудом находил причину оставаться за столом.

– Выйду, – сказал он и потянулся за сигаретами.

– Все еще куришь? Наш сосед, Иван Палыч, помните, старичок с болонкой?.. Умер от рака легких. Два месяца мучился, под конец уже с постели не вставал. Похоронили в прошлую пятницу.

Фролов встал из-за стола. Лена посмотрела на него с тайной мольбой. Этот взгляд означал: пожалуйста, не оставляй меня с ней.

– Удивляюсь я вам, – горестно сказала Тамара Лаврентьевна. – Молодые еще, а живете как старики. Даже поговорить не о чем.

Сделав вид, что не заметил взгляда жены, Фролов вернул пустую тарелку и вышел в коридор. Перед глазами все еще стояло бледное, осунувшееся лицо Лены, большие глаза, серые круги под ними. Место для перекура было на лестничной площадке этажом выше. Фролов вдыхал дым, оцепенело глядя в окно и наблюдая за дворником. Тот медленно и монотонно обметал пяточок перед общежитием; тубетейка на затылке съезжала вниз.

Выкурив две сигареты подряд и дождавшись, когда дворник уронит тубетейку, Фролов снова услышал голоса жены и тещи. Тамара Лаврентьевна шагала вниз по лестнице и вы-

говаривала Лене, какой равнодушный у нее муж.

– Он же меня игнорирует, Лена. Вот от кого Ваня унаследовал эти замашки. . .

Лена тихо и неразборчиво оправдывалась.

5

Если не углубляться в детали, Автозаводской район выглядел прилично. В центре проходил длинный зеленый бульвар с раскидистыми кленами, лавками и фонтаном. У фонтана стоял памятник челюскинцам. По обе стороны от бульвара расходились сталинские дома с тяжелыми балконами и пилястрами. За широкими арками скрывались тихие зеленые двory.

Дома строили для начальства, стахановцев и ответственных работников. Кто бы ни планировал этот район, он явно питал напрасные надежды на популяцию. Ответственных работников оказалось не так уж много. За десятком хороших домов начинался другой ландшафт: длинные ряды двухэтажных деревянных бараков, обитых щербатыми черными досками. Они появились здесь еще до сталинок, в конце тридцатых, когда из деревни в город хлынули толпы крестьян, спасающихся от голода и колхозов. Город распухал на глазах: новоприбывшие набивались в тесные комнатки, носились с тюками и узлами, толпились в очередях, гомонили, шумели, лаялись.

В ту пору бараки тянулись до самого горизонта: ряд за рядом, крыша за крышей, понурые и уставшие, как зэки на перекличке в лагере. Со временем город начал их стесняться. Черные бараки с прохудившимися крышами смущали, как гнилые зубы в улыбке. Над ними вечно вился дымок от печек-буржеек, во дворах на веревках беззастенчиво колыхалось нижнее белье, от уличных нужников воняло нечистотами.

К концу пятидесятых город начал сносить их, чтобы возвести панельные дома. Сначала появились хрущевские пятиэтажки; к началу семидесятых их начали теснить брежневки. В одном из таких домов Фролов должен был получить квартиру.

Вечером во вторник он ехал мимо на автобусе и напряженно вглядывался в городской пейзаж. Что ж, не так плохо. Могло быть намного хуже. Хорошо, что рядом бульвар, Лене это понравится. Парадные сталинские дома с большими окнами и колоннами вызывали у Фролова смутное беспокойство, но он знал, что жена считает их красивыми. Да и Шурик обязательно скажет, что соседство со сталинками – это шик. У его родителей была квартира в одном из таких домов, и Шурик всю жизнь твердил, что подобная среда здорово его облагородила. Хотя, с точки зрения Фролова, благородство Шурика было под большим вопросом.

Соседство с бараками не пугало Фролова. Ему было приятнее созерцать разруху, чем роскошь. Всякий раз, проезжая

мимо квартала сталинок, он невольно вжимал голову в плечи.

Автобус остановился около больницы. Фролов выпрыгнул из автобуса и пошел по деревянному настилу между бараков. Доски кое-где прохудились, и при каждом шаге раздавался хлюпающий звук. Мимо пробежала бродячая собака. Вскоре бараки кончились и начались стройплощадки: разрытые котлованы, сваи, краны, сваленные в кучу трубы и панели.

Стройка была в разгаре, но один дом выглядел уже почти готовым. Фролов остановился на пустыре. Его взгляд скользнул по окнам снизу вверх. В одном из открытых окон мелькнула фигура человека в шапочке из газеты. Стало быть, что-то красят, а может, даже клеят обои. Осталось совсем чуть-чуть, и через пару месяцев Фролов получит заветные ключи.

Он глядел то на одно окно, то на другое в тщетной надежде понять, какая из этих квартир достанется ему. Хорошо бы где-то посередине, этаж четвертый или пятый, с балконом, выходящим во двор. Окружение, конечно, подкачало, но так будет не всегда. Через пару лет на пустыре вырастут гастрономы, появятся лавочки и лотки с мороженым. А через десять лет деревья поднимутся до третьего этажа. У подъезда зацветут палисадники, и если повезет, на месте бараков разобьют парк.

Итак, нужно было добыть список очередников. Фролов решил взять приемную профкома штурмом. Он подстерегал Танечку на обеде, на перекуре и перед уходом, интересуясь, как дела со списками. Танечка обещала, что узнает, но дни шли, а новостей все не было.

В душе Фролова росла тревога: что, если троих несчастных действительно вычеркнут из списков, но кто-нибудь втиснется вперед по блату? Или, что еще хуже, вдруг вычеркнут самого Фролова? Формальных поводов не было, он все еще проходил по нормативу, но кого и когда это останавливало. Списки были нужны ему как воздух.

В пятницу, подходя к приемной профкома, Фролов опять столкнулся в коридоре с Егоровым.

– Ух ты, Вовка, – брови Егорова взлетели вверх. – Карьеру решил поправить?

– Да нет, я к Тане... по делу.

Егоров расплылся в понимающей улыбке.

– Ну-ну, по делу. Знаем мы это дело.

Прежде чем Фролов успел возразить, Егоров хлопнул его по плечу и подмигнул:

– Про следующее воскресенье помнишь? Ждем вас с Ленкой к шести часам. Ну все, я побег. Ленке привет.

Разозленный на Егорова, Фролов излишне резко дернул

дверь приемной. Танечка, сидящая за столом, вздрогнула от неожиданности:

– Ой!

– Извините, – пробубнил Фролов. – Я опять насчет списков.

– Списков еще нет, – отрезала Танечка. – Когда будут – не знаю.

На столе отчаянно зазвонил телефон. Она с облегчением схватила трубку.

– Алло! Кто говорит? Потапов? А мы вас ждем уже третий день!

Фролов жестом показал, что уходит. Танечка кивнула. По лицу было ясно, что она уже сто раз пожалела, что пообещала помочь, и теперь рада от него избавиться.

Вернувшись в отдел, Фролов совсем пал духом. В кабинете за соседними столами возбужденно переговаривались сверщики. Один – пузатый и импозантный, его звали Валера. Второй – худой и вертлявый, его звали Белкин. У Белкина был шанс прожить счастливую жизнь без идиотских прозвищ, однако мать опрометчиво назвала его Евгением. Теперь, подписывая документы, он всякий раз с тяжелым сердцем выводил инициалы: «Е. Е. Белкин». Занимательный факт не укрылся от внимания коллег, и иначе как Ебелкиным его не называли. Валера и Ебелкин были неразлучны, как Тарапунька и Штепсель.

Краем уха прислушиваясь к их разговору, Фролов узнал

главную новость отдела: полчаса назад прошел слух, что в гастрономе на Либкнехта выкинули шоколадные конфеты в коробках.

– Чего тут думать! Идти надо, – авторитетно заявил Валера. – Пока смена кончится, уже все разберут. А мы тут сидим, ушами хлопаем.

– А вдруг проверка? – с жаром возразил Ебелкин. – Сунутся в отдел, а тут никого. Вот меня уже дважды распекали на собрании, еще раз, и побегу искать другую работу. А Лерочку кто будет кормить – ты, что ли?

– Не драматизируй, – строго сказал Валера, – успеем в гастроном, купишь своей Лере конфеты.

Весь отдел знал, что год назад от Ебелкина ушла жена, и теперь он один тянул семилетнюю дочку. В этом году Лерочка пошла в первый класс, и Ебелкин стал уходить с работы раньше обычного – ему вечно надо было бежать то в очередь за канцтоварами, то за бантами и гольфами, то в продленку.

Пока они спорили, Фролов размышлял о том, что коробка шоколадных конфет пришлась бы кстати. Получив такой подарок, Танечка отнеслась бы к его просьбам снисходительнее. А там, глядишь, и дело бы пошло на лад. Опыт общения с Егоровым подсказывал Фролову, что ничто так не способствует успеху предприятия, как любезность, вовремя оказанная нужным людям.

Валера и Ебелкин решились и убежали в гастроном, не дожидаясь конца смены. На часах еще и четырех не было.

Втайне презирая Валеру за безалаберность, а Ебелкина – за податливость, Фролов зашел в каморку к начальнику и попросил разрешения уйти ровно в четыре. Начальник, дородный мужик, которого все звали просто Петровичем, бормотнул что-то утвердительное, не поднимая головы от бумаг.

Толкучки в трамвае еще не было – обычно час пик начинался в пять, зато на подходе к гастроному людское море сгущалось. Очередь гигантской змеей ползла по улице. Топчась на месте, люди спрашивали, кто куда стоит – оказалось, кроме конфет, в гастрономе выкинули еще и колбасу.

– Гражданочка, вы за кем? – разорался плюгавенький мужичок далеко впереди Фролова. – Голову мне не морочьте, я здесь второй час стою.

Продвигаясь ближе к двери гастронома, Фролов выглядел вперед. Он встал на цыпочки и вытянул шею, надеясь увидеть прилавки в торговом зале. До прилавков было еще далеко. В обзор попадали только людские головы – лысые и волосатые, русые и рыжие, в кепках и шляпах. Толпа, двигаясь по шажочку, по-пингвиньи покачивалась из стороны в сторону.

Фролова окликнули:

– Владмрпалыч!

Он огляделся.

– Владмрпалыч, это я!

Фролов заметил какое-то шевеление в недрах очереди. Впереди кто-то протискивался сквозь толпу. Еще секунда, и

из гастронома вынырнул Юдин – как всегда кудрявый, рас­трепанный и энергичный. Он налетел на Фролова вихрем и потряс руку с таким воодушевлением, будто на свете не было более захватывающего занятия.

– Вы какими судьбами?

– Я? За конфетами.

– О! И я за конфетами. Идемте вперед, я там очередь за­нял.

Он снова занырнул в толпу и утянул за собой Фроло­ва. Внутри гастронома толпа была кучнее и гомонила гром­че. Краснолицая женщина в синем ситцевом платье громко рывкнула на Фролова, но Юдин тут же перебил:

– Он со мной. А я занимал перед вами.

– Ну, знаете, – обиделась женщина.

Фролов встал рядом с Юдиным, маясь одновременно при­ятым и неловким чувством, что ему сделали одолжение.

– А я и не знал, что вы здесь живете, – сказал Юдин непри­нужденным тоном. Можно было подумать, что они встрети­лись на дворянском балу, а не в очереди к прилавку.

– Не то чтобы живу. Просто еду с работы.

– А! Вы, значит, с завода? Смотрю, сегодня в очереди столько заводских.

– Да, я сверщик, – сказал Фролов.

– Сварщик? – переспросил Юдин.

– Нет-нет, сверщик. Сверяю план и факт продукции.

И тут же сам удивился: зачем сказал? Какая Юдину раз-

ница, сверщик я или рогатый черт? Лишь бы вовремя платил за занятия.

– А, сверщик! Это, наверное, очень интересно, – предположил Юдин.

– Да не особенно. Одни бумажки.

– Ну, не скажите.

Глаза Юдина весело блеснули. Фролов смутился и отвел взгляд, но все же не выдержал и снова взглянул на Юдина. Что-то в этом человеке его притягивало.

– Однажды, – вдохновенно сказал Юдин, – я переводил заводские документы. Англичане привезли какие-то хитрые станки для шлифования, к станкам прилагались инструкции, и никто не мог с ними разобраться. Наш профессор на кафедре подрабатывал переводами и мог бы взяться, но в тот месяц защищались кандидаты, и он заседал в совете. Так что он послал на завод нас, молодых и зеленых лингвистов с четвертого курса. Мы ужасно боялись сплеховать и, разумеется, наломали дров по всем фронтам. Вы вот знали, что англичане помешаны на чае не меньше нашего?

– Неужели?

– Клянусь, хлещут чай как не в себя. Один мой сокурсник называл англичан «наши чаевники». Ну, и еще кое-что добавлял для крепкого словца. Думал, они по-нашему ни бе ни ме, и смело обзывал их, пока не выяснилось, что один англичанин из делегации говорит по-русски. Такой скандал был! Я думал, нас всех попрут из института.

– И что, поперли?

– Нет, ну что вы. Мы загладили недоразумение. И знаете что? Оказалось, что лучший английский чай – это армянский коньяк.

Фролов закашлялся от смеха. Толпа ожила и немного продвинулась вперед. Краснолицая женщина нашла собеседника – прямо за ней стоял мужик в кепке и деятельно возмущался работой магазина.

– Что ж все так медленно! Скоро закрываться будут, а еще столько людей.

– Безобразие, – согласилась краснолицая.

– Хоть бы повесили объявление, за чем стоят, – встряла в разговор старушка в шляпке.

– Говорят, грильяж дают, – сказал мужик.

– А я слышала, что вишню в шоколаде, – возразила краснолицая.

Пока соседи по очереди выясняли, что дают, Фролов продолжал украдкой разглядывать Юдина.

– А вы конфеты берете на праздник? – брякнул он, желая еще что-нибудь спросить.

– А, нет. Это для мамы Розы. Она жутко любит шоколад... А вы?..

– Да так, подарок коллеге.

– Что, старое доброе взяточничество?

– Почему же сразу взяточничество. Хочу отплатить кое-кому за услугу.

– Так это оно и есть. Взятничество в чистом виде. У нас, знаете, на кафедре висел хороший плакат на эту тему. Что-то в том духе, что взятка разлагает общество.

– А вы, когда англичанам коньяк дарили, разве не разлагали общество?

– Ой, ну бросьте, это ж англичане! У них классовое сознание. Как известно, оно разлагается само.

Тут из подсобки вынырнул заведующий и закричал на весь зал:

– Граждане! Гастроном закрывается через полчаса! Не занимайте очередь.

По толпе пронесся разочарованный стон, сменившийся волной гнева. Мужик в кепке успокаивал краснолицую женщину: «Вы не волнуйтесь, мы успеем». Толпа бурлила и напирала вперед. В какой-то момент Фролова прижало к Юдину; из деликатности он отвернул голову так, чтобы не столкнуться с ним щекой. Перед прилавком места было чуть больше – продавщица рявкала на всех, кто наваливался на витрину, и люди волей-неволей расступались. Юдин отлип от Фролова и схватил две разрешенные коробки грильяжа. Фролов попросил одну, и продавщица удивленно напомнила:

– Можем дать две в одни руки.

– Точно, – спохватился Фролов. – Тогда две.

Вместе с Юдиным они вышли из гастронома и двинулись по дороге через сквер. Дорожка расходилась: Фролову нужно было на трамвайную остановку, а Юдин засобиравшись до-

мой. Он остановился в нерешительности, сунул конфеты в авоську и пожал Фролову руку.

– Ну, всего доброго. Приятно было увидеться.

Повинуясь порыву, Фролов протянул Юдину одну из своих коробок.

– Вот, возьмите. Это для Розы Эдмундовны.

Юдин округлил глаза.

– Вы чего? Не нужно.

– Нет-нет, берите. Мне все равно нужна только одна коробочка.

– А как же ваша жена? Подарите ей вторую.

Что он заладил: жена да жена. Перед глазами у Фролова опять встало бледное лицо Лены; он отмахнулся от этого видения и, сам не понимая, зачем это делает, сердито повторил:

– Возьмите.

После некоторых колебаний Юдин взял коробку и рассеянно поблагодарил:

– Спасибо.

– Не за что. Я пойду.

Когда он уже сделал несколько шагов к остановке, вслед полетел оклик:

– Владмирпалыч! Будете рядом – заходите в гости.

Уже возвращаясь домой, Фролов вспомнил, что ничего не спросил об успехах Вани, не обсудил уроки, не уточнил, когда зайти в следующий раз. Он не то чтобы думал о Юдине, но в груди поселилось непривычное чувство, что случи-

лось что-то важное; чувство свернулось в груди клубком, как кошка, и грело его.

В понедельник Фролов проснулся с ощущением, что неделя будет необыкновенно хорошая. И неделя и вправду оказалась лучше прежней. Танечка получила коробку конфет, оттаяла и пообещала скоро раздобыть списки. Соседи привезли из деревни мясо и по доброте душевной продали пару кило. Из половины мяса Фролов накрутил фарш на пельмени, остаток пошел на суп и рагу, на которых так настаивала Тамара Лаврентьевна. Он озвучил эту мысль Лене: думал подбодрить ее – мол, видишь, живем по заветам твоей матери, пусть порадуется. Лена тускло улыбнулась и отвернулась, не сказав ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.